

Отголоски вечности / Echoes of Eternity (роман) (перевод Shaseer)

Другой перевод

У этого произведения есть другой перевод. Он находится по ссылке: [Отголоски вечности / Echoes of Eternity \(роман\) \(перевод Alkenex\)](#).

Перевод в процессе: 10/36

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведены 10 частей из 36.

Отголоски вечности / Echoes of Eternity (роман) (перевод Shaseer)

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	Shaseer
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Осада Терры / Horus Heresy: Siege of Terra
Предыдущая книга	Боевой Ястреб / Warhawk (роман)
Следующая книга	Конец и Смерть, Том 1 / The End and the Death, Volume I (роман)
Год издания	2022

Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

□

Содержание

Часть 1. Орда.

- Один. Восход красного солнца.
- Два. Сломленный гладиатор.
- Три. Богиня с копьем в спине.
- Четыре. Путь к славе.
- Пять. Бессмертие через уничтожение.

Часть 2. Ослеплённый мир.

- Шесть. Последний человек на Terre.
- Семь. Прокажённое чрево.
- Восемь. Тысяча огоньков.
- Девять. Последняя шутка.
- Десять. Последний страж.

Действующие лица

Император, Повелитель Человечества, Последний и Первый владыка Империиума

Гор, Магистр войны Империиума, сосуд Пантеона

Примархи

Ангрон, владыка Кровавых Песков, возвышенный князь демонов Кхорна, примарх XII легиона

Магнус Красный, Багровый Король, возвышенный князь демонов Тзинча, примарх XV легиона

Рогал Дорн, Преторианец Терры, примарх VII легиона

Сангвиний, Архангел Ваала, примарх IX легиона

Вулкан, Последний страж, примарх XVIII легиона

Легио Кустодес, Последние из Десяти Тысяч

Диоклетиан Корос, трибун

Ханумараси, воин-гиканат

I легион, Тёмные Ангелы

Корсвейн, регент-командующий Полой Горы

III легион, Дети Императора

Деифоб, воин 32-й роты

V легион, Белые Шрамы

Шибан-хан, Тахсир, регент-командующий космопорта Львиные Врата

VI легион, Космические Волки

Рюкат, "Врагов Не Осталось", воин отряда "Крик Тоскующего Дракона", рота Тра

VII легион, Имперские Кулаки

Архам, магистр хускарлов

Фафнир Ранн, субкомандующий бастиона Бхаб

IX легион, Кровавые Ангелы

Зефон, Вестник Скорби, бывший экзарх Высокого воинства

Нассир Амит, Расчленитель, доминион пятой ударно-штурмовой роты "Секуторы"

Анзараэль, Вестник Гнева, экзарх Высокого воинства

Галлен Ул'заен, магистр связи, пятая ударно-штурмовая рота

Орион, дредноут модели "Контемптор"

Эристес, легионный трэлл, оценщик

Шафия, легионный трэлл, оруженосица

Шенкай, легионный трэлл, оруженосец

XII легион, Пожиратели Миров

Каргос, "Плюющийся кровью", аптекарий восьмой штурмовой роты

Кхарн, центурион восьмой штурмовой роты

Лотара Саррин, капитан боевого корабля "Завоеватель"

XVI легион, Сыны Гора

Кенор Аргонис, советник Магистра войны

XVII легион, Несущие Слово

Инзар Таер, капеллан капитула Костяного трона

Имперская армия

Давинн Кото, капрал класса примус

Цзя-Хэн Уквар, призывник, восьмой Нешамерский мотопехотный полк

Лорелея Кельвир, призывник

Марлус Зенир, капрал

Сайлас Энварик, сержант 12-го полка Гелианских стрелков

Таник Машраджеир, капрал 91-го полка Индустанских десантников

Имперские персонажи

Малкадор Сигиллит, регент Империи

Церис Гонн, спрашивающий

Адептус Механикус

Аркхан Лэнд, техноархеолог

Трансакта-7Y1, скитарий макроклады Тр1.акс

Магна-Дельта-8v8, скитарий макроклады Ин.7лиус

Сапиен, хомоподобный

Шива Макул, принцепс титана "Иракундос" типа "Налётчик" Легио Ингатум

Местол Вурир, дьякон-машиновидец титана "Иракундос" типа "Налётчик" Легио Ингатум

Марсианские Механикум

Улиенн Грун, принцепс титана "Хиндара" типа "Гончая войны" Легио Аудакс

Химмар Кул, модератус титана "Хиндара" типа "Гончая войны" Легио Аудакс

Отеш Ралин, модератус титана "Хиндара" типа "Гончая войны" Легио Аудакс

Нерождённые

Ка'бандха, чемпион бога войны

Варак'суул, Убийца Тримира

"Нет зверя свирепее, чем человек, если к страстям его присоединяется власть."

- Луций Плутарх, древнегреческий солнечный жрец

"Похищать, убивать, грабить - это на их лживом языке называется управлением^[1], а когда всё превращают в пустыню, это они называют миром."

- Тацат из этрусско-романского королевства, доисторический философ

"Сангвиний предан нашему отцу из совершенной любви и совершенного благородства, и даже если бы это было всё, он все равно был бы лучшим из нас. Но он также предан из совершенного страха. Он боится причины, по которой у него есть крылья. Он боится того, что они могут символизировать. Он боится, что что-то пошло не так во время его создания, и боится последствий, которые это может иметь для его собственных генетических сыновей."

Неуверенность, которая привязывает Сангиния к Императору, возможно, больше, чем любого другого из сыновей нашего отца, рождается из убеждения, что ему нужно доказывать больше остальных. Это горькая ирония, потому что именно от него требуется меньше всего доказательств."

Тот, кому больше всего нужно доказать - варвар Нуцери, но Ангрон никогда не стремился оправдать ожидания Императора. Он считает такую судьбу хуже неудачи. Для него это не что иное, как второе рабство".

- Труды примарха Лоргара

Часть 1. Орда.

Один. Восход красного солнца.

Лотара

Война была окончена.

Императорский дворец был мертв. Это было тектоническое образование, захватывающее дух своими масштабами; мраморный рубец размером с континент, покрывающий своей коркой сушу Евразии, простираясь от сухого восточного побережья до пустого западного моря. Теперь это были обломки. Те регионы, которые не были разрушены, были заражены. Ещё не заброшенные сектора пылали.

Весь этот священный камень пропал впустую. Камень, использованный при строительстве, был не только терранского происхождения. Свой вклад внесли Луна, Марс, многие луны, вращающиеся в космосе в своем размеренном танце вокруг газовых гигантов системы Сол. Экзосистемный камень долго доставлялся на Терру из вновь открытых и завоеванных миров, и население, не знавшее о Старой Земле ничего, кроме нашептанного мифа, теперь добывало мрамор для дворца, которого никогда не увидит.

Но большую часть своих костей под этот проект отдала Терра. Она уже была разграблена в Тёмную Эру Технологий и покрыта шрамами от непостижимых разрушений последовавшей за ним эры Раздора – и она снова страдала, когда имперские амбиции опустошали её кору. Люди Императора вырвали из земли драгоценный камень стоимостью в целую планету, добывая его из глубин земли в поте лица рабов, пленников и сервиторов. Без согласия Терра отдала свои кости, и они были извлечены под взглядами адептов; полезная нагрузка для закодированных имперских машин.

Отполированные. Очищенные. Переработанные. Воплощённые в шедевр архитекторами. Воплощённые в реальность рабочими. Воплощённые в укрепления солдатами.

А теперь все это исчезло. Континент разрушен. Полушарие превратилось в руины.

Упадет одна башня, и ее пыль на несколько часов накроет городской блок. Дым от падения пары шпилей будет окутывать регион в течение нескольких дней, превращая воздух в серую пыль. Но парящий в небесах над разрушенной Террой наблюдатель не увидит ни падения одинокого шпиля, ни гибели всего двух башен. Дворец богов и полубогов был разрушен. Этот свидетель увидит лишь последствия: пыль, пыль, пыль – от горизонта до горизонта.

Аксиома более просвещенной эпохи гласит: *"Общество становится великим, когда старики сажают деревья, зная, что им никогда не придётся отдохнуть в их тени"*. Это высказывание говорит не только о самопожертвовании, но и о видении. Будущее, стоящее на фундаменте, построенном делами мертвых альтруистов. Вместо этой жертвы, ослеплённая Терра теперь горит из-за оружия в человеческом обличье.

На высоте, куда никакая форма жизни не может добраться самостоятельно, над самыми разреженными слоями атмосферы, на орбите бросил якорь флот Магистра войны.

Космос больше не был пустотой. За пределами Терры то, что когда-то было холодным вакуумом космоса, запятнано проявлениями нереальности. Вокруг армады кружились безымянные цвета, окутывая корабли когтистой дымкой и погружая свои туманные протуберанцы в экзосферу планеты.

Пустота сгустилась в фигуры и формы, в тысячу раз превосходящие сами корабли; силуэтные обещания наблюдающих богов. В этом кипящем тумане открываются и закрываются глаза размером с луну. Скалятся зубы длиной с континенты. Огромные крылья, способные затмить солнце, расправляются и развиваются прежде чем сгнить и вырасти вновь. Орбитальные корабли впитывают этот туман, их железные конструкции изменяются, насыщаясь им. Открыть вокс-канал означает услышать, как сгорают души.

В других частях галактики беженцы из искусственных миров расы альдари узнали бы эти нереальные чудеса. Варп и реальность сплелись воедино, превратившись в ядро абсолютного страдания, которое показалось бы их провидцам слишком знакомым. Много веков назад именно так их род породил своего проклятого бога. Так погибла их империя.

Тысячи членов экипажа смотрели на ядовитые небеса и на мир под ними, на свою победу,

превращающуюся в пепел. Терра умирала. Знатоки и ученые Нового Механикума Кельбор-Хала могли различить отдельные процессы уничтожения, улавливая тонкие балансы отброшенных во имя царевубийства жизни и физики, но правда была очевидна для всех. Любой, кто выглядывал из иллюминатора или смотрел в широкие окна командной палубы, мог ясно увидеть её.

Не нужно было быть экспертом, чтобы понять, что война погубила Терру. Достаточно было просто посмотреть.

Лотара Саррин смотрела на разрушенный мир с мостика флагманского корабля, "Завоевателя". Она сидела, ссутулившись, на своем командном троне, ее измождённое тело находилось на грани смертельного обезвоживания. Она смотрела на мир, который помогла уничтожить.

Когда-то она была гордой. Она была верна восстанию, к которому присоединилась, верна Легиону, который дорожил ею, верна экипажу, которым командовала, и солдатам, которых защищала. Она была убийцей флота, охотницей среди звёзд, командовала одним из самых мощных кораблей, когда-либо задуманных и созданных человеческой изобретательностью. Ее послужной список пестрил наградами и благодарностями. На ее форме красовалась Кровавая рука Двенадцатого – высшая награда, которую смертный мог заслужить в её Легионе.

Она все еще была верна. Даже когда безумие пробралось на ее корабль, она оставалась верной. Даже когда Пожиратели Миров бесчинствовали в залах и палатах, убивая собственных слуг и рабов. Даже когда ей пришлось казнить воинов, с которыми она служила бок о бок долгие годы и которые потеряли веру в путь Магистра войны. Даже когда каждая капля воды в баках корабельных припасов превратилась в гниющую кровь. Даже когда ее ночи превратились в бессонные эпилептические припадки ужаса, когда мертвые товарищи кричали из теней корабля, на котором они были вынуждены обитать. Даже когда деградирующий "Завоеватель" начал исчезать из реальности и вновь появляться в ней, а целые отсеки его смертоносной громады стали прогорклыми от порчи варпа. Даже когда ее кожа начала покрываться чешуей от тяжести ее грехов, проявившихся на ее плоти.

Лотара Саррин поклялась в верности до самого конца, и вот конец настал. Она не ожидала, что он будет выглядеть так.

В ее глазах отражался шар тошнотворного серого цвета с ореолом фиолетового безумия. Ни видимых участков поверхности, ни признаков жизни. Она ничего не могла разглядеть под слоем грязной мути. Сканеры "Завоевателя", если они вообще функционировали, не могли пробиться сквозь пыль. Терра не была похожа на Терру. Она была похожа на Венеру. Она задыхалась под таким же отравленным небом.

Отрывистые доклады анализировали облачную атмосферу. Мраморной пыли в воздухе было достаточно, чтобы сделать вокс-связь невозможной, но это было ничто по сравнению с истинным ущербом. В воздухе витали токсичные пары, образовавшиеся в результате миллионов поверхностных взрывов и орбитальных обстрелов, терзавших обуглившуюся поверхность Терры. Удары и раздирающий мир жар оружейного огня армады Магистра войны покрыли Дворец кратерами и высекли пропасти в окружающих территориях. Умирующие титаны тоже вносили свой вклад – их сердца-реакторы взрывались, когда они падали в могилы своих неудачных походов.

Всё это складывалось в единое целое: смешивались и воспламенялись газы, ранее покоившиеся под землей. Из открытых взрывами пор сочился *сульфа диоксид*, вещество, известное мудрецам Марсианского Механикума. Этот яд клубился химическими нитями в грязном воздухе, разрушая его и превращая в кислоту.

И это было еще не все. Земля истекала лавой из нагноившихся язв. Пирокластические потоки горящего газа и вулканической тефры вырывались из расколотовой земли, укрывая районы боевых действий дымом и шламом. Пепел и пыль, засорявшие воздух, теперь слились воедино, многослойные, но неразделимые – бледно-серый занавес, лишавший зрения и дыхания. Пылевая масса забила легкие миллионов выживших. Те, у кого не было дыхательных аппаратов, рисковали задохнуться, просто оставаясь во дворце, но бежать было некуда.

Разрушение Императорского дворца также вызвало выброс химических веществ, использовавшихся на заброшенных заводах Терры. Из-за неисправности систем сдерживания на нескольких дворцовых мануфактурах в атмосферу вылилось вещество, обозначенное как *метил-изоцианит*. Этот газ льнул к земле с почти разумной хищностью, затопляя нижние уровни немногочисленных оставшихся бастионов невидимой приливной волной химического яда, растворяющегося в глазах и горле защитников. Он ослеплял, сжигал, убивал в течение нескольких часов. Астартес могли пережить его действие, хотя многие остались изувеченными. Полчищам человеческих защитников и беженцев повезло меньше.

Последним по списку, но не по значимости фактором была радиация. По воле случая или чьему-то умыслу в ходе войны были вскрыты подземные хранилища безымянных материалов Тёмной Эры. Многие газообразные вещества, вырвавшиеся из этих древних бункеров, были едва ли понятны, а их названия были забыты, но их радиологические эффекты были убийственно знакомы. Это была смерть, последний ужас прошлого, последний вздох забытой эпохи.

Лотара взяла последний прочтённый ею отчет, и отдала его одному из немногих оставшихся на борту "Завоевателя" мудрецов Механикум. Его аугметика проржавела и натирала его уродливую кожу. В искрящихся венах под его кожей текла отравленная кровь. Ему приходилось набирать ответ на преобразователе текста в речь, потому что его вокодер не подлежал ремонту. Он даже не ступал на поверхность, "Завоеватель" сотворил с ним это.

Когда он напечатал свой ответ, Лотара прочла его три раза, чтобы полностью понять, что именно война сделала с Террой. Текст был безжалостно всеобъемлющ. Абсолютное уничтожение родного мира человечества. Война, из-за которой сгорела галактика, теперь шла на каждом дюйме поверхности Терры, затмевая небеса и вгрызаясь в минеральную плоть планеты.

Но её внимание привлекли не отравление или ослепление, а одно из простых и незамысловатых замечаний техножреца, сделанных им по ходу анализа. Он подробно описал, как соединения серы просочились в воздух из ран планеты, рассеивая падающий свет Сола в пределах видимого человеком спектра. Вместе с этим объяснением в кратком примечании приводился простой факт:

Для тех, кто находится на поверхности, солнце стало красным.

Она не могла избавиться от этого образа.

Сейчас она смотрела на обзорный экран окулуса, и при взгляде с орбиты мир покрывала серая пелена. Они прибыли, чтобы захватить Тронный мир, а вместо этого укутали его в погребальный саван.

- Кхарн, - произнесла она вслух впервые за несколько часов, а может быть, и дней, ее голос был похож на иссохший шепот. Ближайшие члены экипажа не обратили на нее никакого внимания. Они сгорбились у своих консолей, потерявшись в собственной боли.

- Кхарн? - снова сказала Лотара.

Кхарн стоял неподалеку от ее командного трона. Его лицо было изрезано шрамами и скобами,

наложенными на поле боя. Он ничего не сказал. Он больше никогда ничего не говорил.

Единственным полученным ею предупреждением стал сжавшийся желудок. Ее внутренности скрутило с такой силой, что она упала с трона на колени, в ушах звенело от давления, слюна текла между приоткрытыми губами. Она закричала от внезапной боли, от яда, подступившего к горлу, и ее крик превратился в горячий поток рвоты, оросившей палубу.

Задыхаясь, она посмотрела вниз на полупереваренные остатки своей последней трапезы. Лужа полупрозрачной желчи, лоскуты стенок желудка и три чых-то пальца.

На несколько драгоценных секунд неверие взяло верх над изнеможением. Она отшатнулась от лужи, усаживаясь обратно в свой трон. Это была всего лишь уловка ее бессонного разума, вот и всё. Вот и всё.

Кхарн подошел к капитану флагмана и согнул колени, склонившись до её уровня. Он не предложил свою помощь, пока она на дрожащих конечностях волочилась обратно в свое кресло. Он был безоружен, и Лотара не могла припомнить, чтобы раньше видела его без топора. Кровь потекла из её глаз, когда она всмотрелась в его шитое из лоскутов лицо. С этими осквернёнными слезами её обезвоженное тело потеряло ещё больше драгоценной жидкости.

- Кхарн, - прошептала она, - что мы наделали?

Этим вопросом задавались мужчины и женщины по обе стороны войны на всей Терре и над ней.

У Кхарна не было ответа.

Два. Сломленный гладиатор.

Каргос

Где-то в пыли, в слабом свете алого рассвета охотился гладиатор. Он не столько шел, сколько шатался, не столько бежал, сколько спотыкался, и всякое чувство грации, которым он когда-то обладал, теперь превратилось в обрывки воспоминаний. Его движения были похожи на движения больного зверя, его сознание пылало от желаний, пожирающих разум. Его гребневидный шлем поворачивался то в одну, то в другую сторону животными, резкими рывками. Он двигался как бешеный.

Враг сломался и бежал. Минуты назад. Часы назад. Дни назад. Теперь он не мог их увидеть и не был уверен, в каком направлении они бежали. Суставы его доспехов закричали, когда он дернул головой, реагируя на тени в пепле, на звуки, приглушенные до нереальности. В его исхудавшем кулаке бездействовал цепной топор. Это был не его топор, и он не мог вспомнить, где нашел его. Иногда зубья оружия жужжали, пережёвывая грязный воздух. Кровь, запекаясь на клыках топора, засохла и превратилась в песчаную массу.

У гладиатора было имя, хотя в тот момент он едва ли помнил его. У него также была почётная, жизненно важная роль в рядах его Легиона, и знание об этом было также вытеснено давлением в его черепе. Машина боли, вживлённая в его мозг, глубоко вгрызалась в него, щёлкающий паразит, пожирающий его центральную нервную систему.

Он сглотнул слюну, уставившись в пыль. В такие моменты - которые становились все более частыми - он

был не столько разумным существом, сколько сосудом, наполненным понятием о непосредственном инстинкте.

"Тик-так, тик-так", - пели Гвозди Мясника, посылая колющие электрические сигналы в мясо его разума. "Это боль", - обещали они, - "и ты будешь чувствовать ее, пока мы не позволим тебе получить удовольствие". И вот, подобно акуле, он пошел вперед. Стоять на месте означало чувствовать бритвенные поцелуи имплантата глубоко в черепе, там, куда он не мог достать.

Всё менялось. Уже изменилось. После того как машина боли перестроила его сознание, химия его сознания была разрушена. Адреналин насилия, который когда-то приводил в экстаз, теперь приносил лишь слабое облегчение. Драгоценное, да, но вряд ли то же самое. Раньше гладиатор гнался за чувством возбуждения. Теперь он гнался за дразнящими ласками облегчения. Их никогда даже близко не было достаточно, чтобы стать удовольствием, но они хотя бы сопровождалась прекращением боли.

Под налипшим слоем пепла его доспехи представляли собой рубище. Годами он носил керамит в белых геральдических цветах XII легиона Крестового Похода, а лоскутные доспехи, в которые он был запечатан, лишь наполовину состояли из первоначальных компонентов. Он не помнил, чтобы перекрашивал свою броню или давал своим слугам разрешение покрасить её. И всё же там, где пыль ненадолго сдувало, они были артериально-красными вместо привычных грязно-белых.

Да, всё менялось.

Это не беспокоило его. Возможно, если бы он задумался об этом по-настоящему, то проявил интерес, но в те редкие моменты, когда он обращался мыслями в этом направлении, Гвозди грызли его так сильно, что вызывали мышечную дрожь. Они обещали ему мир только если он будет бежать, реветь, убивать, калечить, жечь. Поэтому он делал всё это, когда мог, и упивался болью, когда не мог.

В один смутно припоминаемый момент времени он попробовал разбить себе череп о стену, ритмично ударяясь лбом о разбитый мрамор в попытке выпустить всю мерзость из головы. Это работало до тех пор, пока не перестало. Потом боль вернулась, вдвое сильнее. Наказание за нанесенные им самим себе раны. Осуждение за попытку самоубийства.

Гладиатор пошел дальше. Гвозди успокаивались, когда он шел вперёд.

Он был не один в пепельной пустоши. Его братья - и то, что притворялось его братьями, - образовали вокруг него неплотную стаю. Вместе, но порознь, они двигались сквозь мглу. Некоторые из них были сделаны из огня. Некоторые из них были сделаны из крови в виде чудовищ. Некоторые из них были его братьями на протяжении всей жизни, а некоторые просто носили плоть его родичей.

- Апотекарий.

Он услышал это слово, когда поднимался по осыпи зараженных обломков. Звук был ему знаком, но смысл он не понимал. Отравленные камни скользили под тяжестью его сапог. Стена была разрушена артиллерийским огнём, причем настолько недавно, что еще дымилась, и гладиатор тащился вверх по разбитому склону. Гвозди почувствовали его решимость и могли бы проявить милосердие, но все равно снова зашипели. С его губ сорвалось животное ворчание, произвольное и беспомощно честное.

- Апотекарий.

Опять это слово. Оно задерживалось в его искаженных мыслях, словно хотело что-то значить. Апотекарий. Апотекарий. В следующий раз, когда он услышал это слово, оно прозвучало громко:

- Апотекарий!

Это было имя. Или проклятие.

Гладиатор перестал подниматься и остановился. Он повернулся, вглядываясь в пыль. Он искал силуэты своих братьев и преследователей, которые называли себя его братьями. Они скопились у подножия склона из обломков. Их доспехи больше не были красными. Пепельная пыль вернула его товарищам из Пожирателей Миров их первоначальную грязно-белую геральдику.

- Каргос! - крикнул ему один из них.

Вот так слова снова обрели смысл. Гвозди кусались, как бы насмехаясь над его возвращением в сознание, но их мандибулы не могли остановить струящуюся по капле личность.

Гладиатор - "Каргос", - подумал он, - "Я Каргос" - попытался связаться с ними по вокс-связи, но вокс-сеть в эти дни была бесполезна. Он прокричал в ответ через голосовую решетку шлема, слова усилились и огрубели.

- Кто зовёт?

Ответ был вовсе не ответом, а требованием.

- Врач!

Каргос спустился вниз, наполовину соскальзывая по каменным обломкам. Скопление силуэтов сначала превратилось в фигуры, затем в фигуры его братьев. Его настоящих братьев. Не тех, что притворялись ими.

Двадцать девять его сородичей погибли, их тела разложили выжившие, достаточно здравомыслящие, чтобы сопротивляться песне Гвоздей. Он оглядел их изломанные останки, лежащие ровными рядами и уже окутанные серо-белой пылью. Удары болтов и разрывы цепных клинков оставили отметины на их доспехах, керамит был вскрыт, обнажив разорванную плоть.

Каргос перевел взгляд на стоящих Пожирателей Миров. Другие проносились мимо них в пыли, карабкаясь по склону из обломков, ища добычу по велению машин боли, вгрызающихся в их мозг. Даже тех, у кого хватало самообладания, чтобы заняться мертвецами Легиона, мучили жестокие тики и подёргивания. Эти похороны, такие же грубые и небрежные, как и любой другой ритуал XII Легиона, требовали от тех, кто был способен их выполнить, высшей степени сосредоточенности.

- Чего ты ждёшь? - гаркнул один из них.

Каргос не мог идентифицировать воина из-за пыли, покрывавшей его доспехи.

- Собери их геносемя, - приказал воин.

Каргос оглядел свои доспехи, пустой пояс и патронташ. Когда именно он потерял инструменты своего ремесла? Металлические флаконы со стимулирующими сыворотками и боевыми наркотиками исчезли. Его нартециум представлял собой обломки, пробитую болтами оболочку для отсутствующих инструментов. Дисплей сканера потрескался и не светился, больше не подключенный к источнику питания брони. Даже клавиатура на его наруче была бесполезна, с потерянными клавишами она была сродни отчаянной улыбке с отсутствующими зубами.

Неважно. Ему не нужны были специализированные инструменты для сбора урожая, он мог воспользоваться своим ножом. Работа будет грязнее и рискованнее для извлечённых органов, но он уже делал это раньше. Всё, что требовалось, это осторожность и поспешность, чтобы пепельный воздух не загрязнил мясистые наросты, когда он вытащит их.

Он присел возле первого тела и достал нож. В руках человека он был бы оружием, которым не стыдно было бы воевать. В руках Каргоса это был обломанный и потускневший нож.

- Кто это был? - спросил он у своих братьев. Они не ответили; Каргос почувствовал, как они шаркают по пыли, пытаясь остаться с мёртвыми, а не идти дальше в поисках новой добычи. Скорее всего, они не знали, кем были погибшие; отделения были разбросаны, вокс не работал, и пыль отлично уравнивала всех, превращая их в призраки самих себя. Теперь уже не имело значения кто есть кто.

Каргос потянулся к ячейкам хранения, пристегнутым к поясу. Это были бронированные, охлаждаемые изнутри керамитовые цилиндры, помеченные рунами награкали. Он носил с собой десятки таких ячеек, каждая была капсулой для прогеноидов павшего брата по легиону. После сбора их геносемени убитые продолжали жить в войнах, созданных им на замену. За месяцы войны он извлек прогеноиды из горла и груди многих своих сородичей.

Вот только его пальцы коснулись голого керамита. У него не было больше десятков ячеек. Он носил три. И те три, что остались, были пробиты и пусты.

По его телу пробежал холодок, достаточно сильный, чтобы охладить даже жало Гвоздей в затылке. За время войны множество уже погибло без сбора геносемени. Скольких он обработал только для того, чтобы потерять их генетическое наследие в перерывах между приступами ясности? За это он мог умереть. В лучшие, более здоровые времена его Легион казнил аптекариев за подобный провал. Мог и сейчас.

Каргос чувствовал на себе взгляды своих собратьев. Он знал, что их оружие все еще в их руках.

- Я не могу, - признался он им. - Я не могу.

Они ничего не сказали, и Каргос почувствовал тяжесть их безмолвного суда. Он поднялся на ноги для вынесения приговора. Гладиаторы всегда мужественно встречали судьбу. Только трусы умирали на коленях.

Но там никого не было. Остальные Пожиратели Миров исчезли. Их поглотила пыль, если они вообще там были. Он посмотрел вниз; трупы тоже исчезли. Он стоял один в пыли. Совершенно один.

Один, если бы не внезапное ущемление спинномозговых нервов. Гвозди укусили, подавая побуждающий импульс боли и обещая еще больше, если он останется стоять. Каргос повернулся, шатаясь, спотыкаясь, уже будучи не Каргосом. Он снова был гладиатором.

Время в пепле шло странно. В какой-то момент во время нетвёрдого шествия Каргоса вокруг него появились фигуры. Сначала несколько человек, затем они превратились во многих, а затем многие стали более чем достаточным числом. Он знал, что некоторые из них были его братьями по Легиону, а некоторые - нет, и он мог отличить их от тех, кто мог видеть, куда они идут. Он и его братья были слепы, но те, кто выдавал себя за его братьев и сестёр, видели достаточно хорошо, чтобы охотиться. Эти кровожадные твари охотились впереди орды; безмолвный крик Императора лишал их сил, но они видели проблески жизни в душливой пыли, и они увлекли за собой силы Магистра войны. Они продвигались к Санктум Импералис, где в последней крепости собрались последние защитники.

Это был прилив. Сотни тысяч воинов, солдат и демонических существ слились в волну налитанного богами намерения. Среди смертных каст этой орды звание мало что значило; воинская сплоченность почти превратилась в миф. Они шатались, спотыкались, а некоторые даже бежали – воины из всех легионов Магистра войны, кипящая масса извращенных разумов и больных душ. Одни ликовали в своих оковах божественного рабства, другие ошибочно считали себя свободными. Разницы не было никакой. Раб оставался рабом, даже если короновал себя королем.

Хотя боль Гвоздей и притупилась, Каргос чувствовал, как меняется воздух. Теперь завеса между мирами была тонка. Нерожденные пробивали себе путь в реальность лишь при помощи обрывков мыслей. Одна-единственная капля крови на разбитой земле порождала ужасы.

Император слабел.

Такое было сложно представить.

Нерождённые шипели это. Ангрон рычал это. Гор обещал это. Скоро придет время разрушить стены последней крепости.

Что-то проникло сквозь кровавое облако мыслей Каргоса. Снова его имя. Кто-то рядом произносил его имя. Он произносил его уже некоторое время.

Это был Инзар. Инзар из XVII легиона, одетый в потёртые доспехи, с оружием, прикованным к броне как символ его службы с XII легионом. Свитки пергамента, всё ещё державшиеся на доспехах Инзара, потускнели и порвались, превратившись в потрепанные полоски. Он схватил Каргоса за плечо, не давая ему двигаться дальше вместе с ордой.

- Я понял, что это ты, брат.

Даже спустя столько лет голос Инзара был низок и звучал через вокалайзер шлема подобно мурлыканию. Каким-то образом он пробивался сквозь ветер.

- Как радостно встретить тебя перед самым нашим триумфом.

Каргос не знал, что ответить – ничто из происходящего не походило на триумф – поэтому он ничего не сказал. Прикосновение Инзара оставило отметину на плече Пожирателя Миров. Направляющая рука.

- Пойдем со мной, Каргос. Ты сбился с пути. Я помогу тебе.

Каргос безмолвно посмотрел на него глазами, в которых бился собственный пульс. Он заговорил с третьей попытки, и смог произнести только два слова.

- Ты настоящий?

Инзар фыркнул, и этот звук мог бы быть смехом.

- Пойдем со мной, друг мой.

- Нет. – Каргос облизал потрескавшиеся губы и почувствовал вкус крови. – Ответь мне. Ты настоящий?

На этот раз смеха не было. Только кивок, жест понимания.

- Я настоящий.

Каргос колебался еще несколько секунд – нерождённые уже лгали ему – а затем последовал за ним.

Посреди пустошей был собран совет, сформированный вокруг собрания офицеров и их помощников, всё ещё сохранявших рассудок. Вокруг собрания грохотали тени танков. Воины всех легионов стояли в смешанных группах, теперь всё чаще их объединяла вновь обретенная верность, а не происхождение от кровных отцов. Каргос был одним из них. Он оставался рядом с Инзаром из-за вымученного знакомства, наблюдая большими глазами за первыми признаками порядка, появляющегося из наблюдаемого им уже целую вечность хаоса.

Вопросы задавались злобным ворчанием, и на них отвечали в том же тоне. Установить чёткую иерархию было невозможно без вокса и без знания того, какие подразделения где находятся; какие легионы титанов сумели продвинуться наверх и через обломки Последней стены; какие силы Астартес собрались в павших районах Внутреннего Дворца. Но это уже было хоть что-то. Прилив превращался в волны, часть естественного ритма орды: скопления силы, подобные этому, боевые отряды, собирающиеся для последнего штурма.

Произносились имена первых капитанов, отмечалось их отсутствие. Ариман. Тифон. Абаддон. Они сражались в других местах или уже были мертвы? Никто не мог сказать.

А как же Рогал Дорн, Преторианец Императора? Что насчёт Джагатай-хана и Ангела Крови? Затаились ли они в Санктум Импералис, ожидая последней битвы, или оказались в ловушке в охваченных войной районах Внутреннего Дворца, осажденные в своих бастионах и неспособные вырваться? Говорили, что Хан умер от ран, полученных в космопорте львиных Врат несколько дней назад. Говорили, что Преторианец, после того как Дворец превратился в пепел, его гений был исчерпан, а планы разрушены, скрывался за стенами бастиона Бхаб и готовил свой последний план побега с Терры. Поэтому оставались только Ангел и истощенные остатки трёх легионов, которыми он командовал.

Изнеможение Каргоса ослабло, когда Гвозди, к счастью, перестали кусать так глубоко. Голоса говоривших успокаивали боль в его черепе, словно их планы были молитвой. Война выиграна. Защитники сломлены. Щит Императора уменьшился лишь до малой толики его невидимой силы, а нерорждённые разбежались по опустевшим кварталам Внутреннего Дворца.

Что же будет дальше? Магнус сломит волю Императора, а вместе с ней и психический щит. Ангрон в своей ярости найдет и убьет Ангела Крови, а затем пойдет на Санктум Импералис. Сам Гор вскоре должен был высадиться на планету. Они разрушат Врата Вечности и сожгут Санктум Импералис дотла. Они превосходили защитников числом.

Да будет это сказано, и да будет это сделано. Терра вскоре будет принадлежать им.

Три. Богиня с копьем в спине.

Улиенн

Экипаж Гончей войны "Хиндара" гордился своими усилиями. Подъём во Внутренний Дворец был нелёгким делом: корабли-саркофаги не могли сесть из-за пыли, а упавшие секции Последней стены создали многокилометровый склон из обломков, далеко выходящий за пределы возможностей стабилизаторов большинства титанов. Первые несколько богомашин, пробившихся в районы Внутреннего Дворца, ступили на пустоши из разбомбленного мрамора, где не осталось ничего выше этих отдельных титанов. Целые районы бастионов, замков, шпилей и колоннад лежали в руинах, стёртые в

порошок с орбиты или кишевшие ордами пехоты и бронетехники Магистра войны, уже наводнившими Внутренний Дворец.

Титаны марсианских Механикум не могли похвастаться такой быстротой. Лишь немногие лояльные Титаны встретили их осторожное продвижение. Большинство из них сгруппировались вокруг оставшихся бастионов или бежали в безопасность Санктума Импералис.

"Хиндара" и её команда были в первой волне, поднимавшейся по лавине из обломков Последней стены. Один из десятков таких же, то был огромный склон из разбитого камня, лежащий между ними и возмездием, которое они так жаждали. Раз в несколько дней продвижения шаг за шагом, от которого раскалялись стабилизаторы, компенсаторы и гиробалансиры, реактор в спине "Хиндары" начинал источать термоядерное дыхание. Тогда они останавливались, давая покрасневшему железу остыть и позволяя техножрецам успокоить машинный дух, а затем, когда показатели приходили в норму, шли дальше.

Другие титаны отступили к своим кораблям-саркофагам, решив перебраться на плато по воздуху. Лишь немногим это удалось: пыль сжевала воздухозаборники двигателей и вывела из строя большинство пытавшихся лететь судов. Некоторые направили свои орудия на неразрушенные участки стены, плавя скалобетон, распыляя камень на атомы и пробивая конверсионными излучателями дыры в величайших защитных сооружениях Рогала Дорна.

Время, время, время. Всё это занимало время, а защитники отступали к укреплениям Палатинского кольца.

Многие титаны пытались взобраться на стену. Каждый шаг следовало просчитать и оценить, пустотные щиты всех титанов были опущены, а их энергия перераспределена. Наземные части - немногие пехотные подразделения скитариев, на которые ещё можно было положиться и которые не бросались вперёд в погоне за убийствами - делали всё возможное, чтобы расчистить ровные места для огромных когтистых лап.

Во время подъёма "Хиндара" упала дважды. В первый раз она просто поскользнулась в самом начале, просчитавшись в компенсации стабилизаторов, и опрокинулась вперёд. Как бы опасно это ни было, но падение вперёд было самым безопасным; модератус Отеш с холодной ясностью манипулировала элементами управления, вбив проскальзывающую ногу под острым углом с достаточной силой, чтобы пробить осыпающуюся породу и удержать их на месте в течение драгоценных секунд, за которые она вернула "Хиндаре" устойчивость. Члены экипажа чествовали её аплодисментами и одобрительными возгласами. Даже другие титаны, находящиеся достаточно близко, чтобы видеть силуэт "Хиндары" в пыли, провоксировали признательность или, в некоторых случаях, насмешки. Прерывающаяся сеть связи позволила, хотя и с трудом, понять некоторые из них.

Второе падение было хуже. Через несколько дней медленного движения вперёд, уже ближе к вершине осыпь из валунов начала осыпаться под ними, как уже было со многими другими. Реактор взревел от разочарования машинного духа - и, по правде говоря, от его страха - когда мучительно медленно они начали падать со скрежетом камня, воем напряженного железа и отталкивающе спокойным креном. Хиндара опрокинулась вбок и назад, её стабилизаторы завизжали, когда давление исчезло.

Экипаж знал, что они мертвы. Падение в лавине с такой высоты означало смерть. Даже если они выживут, что было маловероятно, и даже если их титан не разнесёт на куски при спуске, что было еще менее вероятно, "Хиндара" не встанет на ноги ещё нескольких недель, если вообще когда-нибудь

сможет. На этой войне не осталось достаточного уровня координации и организации для подобного. Экипаж знал и помнил об этом в течение каждого шага вверх по склону, и эта мысль промелькнула в сознании каждого, когда они начали заваливаться назад.

Камни трескались и грохотали, осыпались и скользили.

Впереди них, едва видимый в закатывающихся окнах-глазницах, находился "Налётчик" Легио Мортис "Варкарнерикс". Он был ещё ближе к вершине, окружённый небольшой ордой чернорабочих-технотрэллов, трудящихся вокруг пяток богомашины. Ему потребовалось больше недели, чтобы добраться сюда.

Улиен Грун без раздумий и колебаний произнёс слова. Не выкрикнул. Никакой паники. Лишь прошептал, задыхаясь от инстинкта.

- Выпустить "Медвежьи когти".

У модерати-секундус Химмара Кула было полсекунды, чтобы сопоставить мелькающие сектора обстрела с собственными догадками. С помощью мышечной памяти он двинул рукой "Хиндары", не успев зафиксировать её в положении для стрельбы, и нажал на оба спусковых крючка. Кабина вздрогнула от отдачи его стрельбы вслепую. "Хиндара" заскулила, когда её не зафиксированная для стрельбы рука приняла на себя основной удар отдачи.

Всё произошло за полудюжину ударов сердца, от проскальзывания до выстрела "когтями", но время не имело значения. У них мог быть день, чтобы принять решение. Это не имело значения. У них была только одна возможная цель.

Их гарпун попал в спину "Варкарнерикса". На пять метров выше или секундой позже - и он бы прошёл мимо.

Трехпалые "Медвежьи когти" пробили заднюю панцирную броню "Налётчика", где композитное покрытие из адамантия, пластали и керамика было тоньше всего. С громовым треском они вонзились во внутренности богомашины, превратив двух техножрецов в машинном отделении в кровавые ошмётки. Они не задели реактор модели "Тетис", служивший сердцем титана, вместо этого пробив насквозь техническую колонну хребта "Варкарнерикса". Огромные когти сомкнулись на куче священного искореженного металла и, активировавшись с лязгом макромагнитной связи, заблокировались.

"Варкарнерикс" прекратил движение. На мгновение возвышающаяся богомашина замерла лицом к подъёму с почти философским спокойствием. В её тени скитарии и сервиторы застыли в изумлении, не в силах поверить поцарапанным линзам, что заменяли им глаза. Они были верующими у ног своего божества, и их богиню только что пронзили копьём в позвоночник.

"Хиндара" покачнулась. Она согнулась. Она начала изворачиваться под диким углом. Оба модерати работали за пультами управления, стискивая пальцы и сжимая зубы, и управляли машиной изо всех сил, чтобы вернуть ноги в нужное положение.

- Не на что опереться, уходит из-под нас, не на что опереться... - произнесла модератус Отеш.

- Нет, - произнесла принцепс Улиенн единственное слово беззвучного напева. - Нет, нет, нет.

Одна нога с грохотом топнула по склону. Камень задрожал под ними, задрожал ещё сильнее, потом продолжил сыпаться вниз. Другая нога обрушилась вниз, потом снова первая. Они колебались на

камнях, шатаясь, как раненый волк. В руке "Гончей войны", на которую крепился гарпун, взревели моторы, а её команда для стабилизации потянула за попавшие в цель "Медвежьи когти". Благословенное железо закрипело в плече "Хиндары", когда сочленение растянулось и деформировалось от напряжения.

В этот момент "Варкарнерикс" заревел. "Налётчик" дал волю своему боевому горну и закричал, перекрывая грохот лавины. В этот момент он звучал жалко, до ужаса напоминая живое существо.

- Мы стабилизировались. - Смех модератуса Кула был глух от неверия. - Мы стабилизировались.

И он был прав. "Хиндара" остановилась, её суставы перестали визжать, когда их протесты прекратились. Кабина больше не кренилась. Они были стабильны.

"Варкарнерикс" повернулся к ним.

По крайней мере, начал поворачиваться. Он не мог сделать этого из-за сломанного хребта; он никогда не завершит этот поворот, никогда больше не сможет ходить, и не увидит больше войн. Его поворот превратился в крен, а крен - в падение.

Боевой горн "Варкарнерикса" издал еще один вопль, последний крик преданного божества. Он брызжал плазмой из прорезей в панцире, бесполезно выдыхая ядовитый огонь в грязный воздух. В порыве то ли бездумной паники, то ли чистой злобы он открыл огонь из своих орудий, с его рук сорвались залпы ослепительного лазерного огня, отозвавшегося громоподобным эхом. Предсмертной канонадой она расплавила верующих в неё и сожгла скалы вокруг себя до состояния черного стекла.

- Отсоединиться! - приказала Улиенн. - Она падает! Отсоединиться!

Но у них ничего не получалось. В своём падении "Налётчик" увлекал их за собой, они спаслись только для того, чтобы вновь обречь себя на гибель, и "Хиндара" не могла отсоединиться. Кул снова схватился за рычаги и переключатели, попробовал ещё раз, и ещё. Макромагнитные замки открылись, хватка ослабла, но "когти" всё еще торчал в ребрах "Варкарнерикса". Они проникли слишком глубоко.

- Взорвать крепления.

Кулу не нужен был приказ. Он уже занимался этим. Реактор "Хиндары" вспыхнул от оскорбления, когда энергия потекла к конечностям. *Бам, бам, бам* - то сработали аварийные предохранительные заряды в её плече, взорвав крепления пусковой установки "когтей" к телу титана.

Рука была ампутирована вовремя. "Варкарнерикс" упал на склон из камней, врезавшись в него лицом вперёд и мгновенно убив свой экипаж. Огромный вес его тела, ударившегося об обломки, сотряс поверхность и породил ещё один оползень. По потоку гравия хлынули валуны, катясь вниз по километровому склону. Внизу титаны из различных легио, чья раскраска стёрлась от пепла в воздухе, а сканеры страдали от неполадок, медленно отодвигались в сторону или укреплялись, надеясь на лучшее. Это была далеко не первая подобная волна обломков. Сквозь шум помех и мусорного кода экипаж "Хиндары" слышал голоса, проклинаящие их и хвалящие за вероломное выживание.

Среди них выделялся один голос - влажный треск, который представил себя как "Теллум ире". Он был "Гончей войны" Мортис, и находился достаточно близко, чтобы понять игру теней сквозь пыль, и теперь он ярился на Хиндару.

Модератус Отеш покачала головой. Паника отступила, но она всё ещё была бледна.

- Они бы обстреляли нас, если бы могли.

Но они не могли. "Теллум ире" был слишком далеко вниз по склону и, скорее всего, на слишком неустойчивой поверхности, чтобы рисковать, пытаясь стрелять.

Улиенн слушала их рёв, пока её сердцебиение приходило в норму. Она ощущала холодок от сделанного ею, но он не перерос в чувство вины. В войсках магистра войны всё равно больше не было порядка. Пока они опережали другие машины Мортис, никаких последствий не будет; теперь не существовало никакой иерархии, и не перед кем было держать отчёт. С тех пор как пала стена, каждая богомашина была сама за себя.

- Это принцепс Улиенн из Аудакаса. Я говорю от имени "Хиндары".

Она не знала, дойдёт ли её сообщение до "Теллум ире", но в отсутствие чувства вины в ней вновь проснулась гордость. Она не любила, когда к ней обращались подобным образом.

В ответе "Теллум ире" было ещё больше гнева, сдобренного обещаниями возмездия. Улиенн позволила ему некоторое время звучать на фоне, оскалившись окровавленными дёснами, а затем послала в ответ свой собственный короткий ответ перед тем, как прервать связь.

- Машина уничтожена.

Минуло два дня с момента их встречи со смертью на вершине пролома. С тех пор как "Хиндара" достигла верха и пересекла пролом, она шествовала среди разрушенных кварталов Внутреннего Дворца и час за часом участвовала в тяжелых боях. Она соединилась с силами Легионес Астартес, осаждавшими бастион Меру, и, сражаясь одной рукой, помогала разрушать стены и уничтожать вражеские танки залпами своего турболазера.

Авангард был изолирован: лишь немногие корабли снабжения Легио Аудакас смогли проделать путь за Последнюю стену. Правда заключалась в том, что "Хиндара" находилась в полевых условиях уже несколько месяцев, с тех самых пор, как была развёрнута на поверхности Терры, и ещё до ампутации её состояние оставляло желать лучшего. Случайные повреждения накапливались, а от оставленных без ремонта более серьёзных ран её кости гнили. Накануне вечером, когда пал бастион Меру, по неудачной прихоти судьбы ракета попала в бок головы Хиндары. Она ударила в момент отказа пустотных щитов, испещрив кабину ожогами, повредив несколько систем управления и расколов армированное стекло иллюминаторов. Теперь они были испещрены паутиной трещин, что еще больше ограничивало и без того затруднённый пеплом обзор экипажа.

Теперь она шла с трудом, суставы её правой ноги клинило от повреждений, полученных при обстреле из орудий лоялистов. Ей также приходилось экономить энергию. Пустотные щиты больше не загорались по команде, а из-за боли от ранений, проникающей по нервам-кабелям, экипаж приглушил её реактор, чтобы успокоить всё более неустойчивый машинный дух.

Каждый из бастионов Палатина сам по себе был городом-крепостью, окружая Санктум Импералис кольцом. Уродливее всех был бастион Меру - воплощённая грубость в виде крепости. Старые инфопотоки описывали его как дворец, но вся красота, которой он когда-то обладал, исчезла, когда Рогал Дорн облачил его в камнебетон и керамит и установил нагромождения противопехотных башенных орудий на стенах. Сносить его было удовольствием: еще одна твердыня лоялистов погибла при неостановимом продвижении к Санктум Импералис.

Уже много дней не было никаких вестей о примархах. Ни ангела огня, в которого превратился Ангрон,

ни существа, которое, скорее всего, когда-то было Мортарионом. Говорили, что Пертурабо отказался от осады, но Улиенн всё ещё различала среди орд множество Железных Воинов, и истинное положение дел оставалось загадкой. В треске передач с орбиты были обещания скорой высадки Гора, но, по мнению Улиенн, эти скандирования были не лучше пропаганды. Она сосредоточилась на войне перед собой, а не на молитвах, доносящихся сверху.

Следующим был бастион Авалон, его крепостные стены тёмным пятном выделялись на горизонте. Согласно зашифрованным вокс-передачам, все силы врага уже отступили. Без организованной разведки никто не мог быть уверен в этом, но те немногие офицеры, что ещё передавали приказы, обещали, что Авалон уже опустел. Многие дни его защитники уходили к другим бастионам с потоками беженцев.

Дух "Хиндары" был нетерпелив, психосоматически пульсируя в сознании Улиенн тупыми красными толчками. Её команде приходилось держать её реактор в узде, чтобы её воинственная душа не заставила их атаковать без поддержки. Пока что Пожиратели Миров, Гвардия Смерти и Альфа-легионеры керамитовым потоком бежали перед Хиндарой. Десантно-штурмовые корабли не поддерживали их сверху - фаза воздушной поддержки войны окончательно завершилась - но похожие на жуков легионные танки разрывали ряды пехоты, а в загрязнённом небе парили крылатые твари. Краснокожие сущности в обличье мужчин и женщин; вздувшиеся твари в виде ксеномух - твари, которых команда "Хиндары" называла демонами, при этом радуясь слоям брони, отделявшим их от этих существ.

Как только она пыталась посмотреть на них, её взгляд всегда скользил в сторону. Как только она отводила глаза, она забывала об их существовании.

У орды было достаточно сил, чтобы окончить войну, а защитников хватало только на то, чтобы отсрочить это - но потери будут громадными. Улиенн не хотела умирать из-за упрямства Императора. Она хотела жить, чтобы увидеть, как амбиции Магистра войны воплотятся в жизнь. Она хотела Империум, который обещал Гор. Вечную империю. Царство человечества, что никогда не падет.

"Хиндара" ворчала, чувствуя беспокойство своего принцепса, но слишком одурманенная из-за охлажденного реактора, чтобы сделать что-то еще.

И вновь представало это предательское видение, от которого Улиенн не мог избавиться. Гор был героем, Магистром войны Империума, принёсшим мир галактике. Конечно, она последовала за ним. Легио Аудакс с готовностью надел его цвета и связал свою судьбу с его судьбой. Но что останется после этой войны? Что останется от Терры и армий, сражавшихся за её захват?

И даже сейчас притаившиеся ксенокорольства на окраинах Империума пробуждались, осмеливаясь бросить завистливый взгляд на миры, которые они потеряли во время Великого Крестового похода. Останется ли достаточно воинств Магистра войны, чтобы удержать всю территорию Империума? И как будут выглядеть эти воинства, когда из них исчезнут всякие порядок, дисциплина и человечность? Легионес Астартес уже одурманены кровью и сражаются вместе с этими... этими тварями. Полки Имперской Армии, носящие Око Магистра войны, были не лучше. Улиенн Грун не хотела мира. Мир скучен. Мир для слабаков. Ей нужны были войны, которые она могла выиграть.

А Механикум, да благословится это имя, обращался сам против себя, скандируя канты скрап-кода. Бредящие пророки призывали отказаться от своего "я", погрузиться в Манифольд, слиться с машинным духом. Противоречивые философии культов, которые раньше не могли ни о чём договориться, но, по крайней мере, сдерживались и не лезли идеологии друг друга, теперь кричали о каком-то разрозненном единстве, молясь о принесении в жертву плоти и души, чтобы возродиться в колыбелях из священного

железа.

"Хиндара" тоже этого хотела. Улиенн чувствовала это.

Пока что "Хиндара" ждала, а женщина, служившая разумом богомашины, смотрела на бронированный поток, несущийся вперёд, к силуэтам далеких крепостных стен. Насколько Улиенн могла припомнить, они впервые остановились за очень долгое время.

Вот уже несколько месяцев её физический мир был ограничен кабиной "Хиндары". Она вырывалась из него, лишь добавив к своим чувствам ещё и чувства машины, живя её глазами и её оружием, ощущая движения "Хиндары" как свои собственные. Когда Улиенн в последний раз дышала не воняющими потом выхлопами фильтрационных щелей за её головой, а свежим воздухом? Когда она в последний раз пила что-нибудь, кроме переработанной мочи своих ближайших товарищей? Когда она в последний раз вставала со своего трона управления?

Улиенн вдохнула и ощутила запах собственного дерьма. Её выходные фильтры вышли из строя... когда? Дни назад? Недели назад? Её ноги были покрыты её же собственными отходами, а униформа была заляпана рвотой и воняла несвежей питательной пастой. Стоило только заметить её, как вонь от различных нечистот, покрывающих трон, становилась вездесущей. Практически непреодолимой.

С трудом она разглядела свою руку. Её рука была чёрной лапой, вплавленной в металл...

- Мой принцепс?

Оставив свои мысли, она обратила свои липкие глаза на Отеш. "Модератус" - пришло узнавание. Пески Марса, она устала, чертовски устала.

- Жду вашего приказа, мой принцепс.

Улиенн уставилась на члена экипажа. Отеш была похожа на труп, её кожа страдала от болезни и недостатка солнца, а глаза были сухи. Улиенн чувствовала её запах, сладкий запах испорченного мяса. Она была мертва уже по крайней мере неделю, ещё до того, как они попытались подняться на стену. В какой-то момент перед смертью модератус прокусила свой язык. На её лице тучнели мухи, заползая в открытый рот и вылетая из него.

Улиенн открыла глаза. Или закрыла их. Сон прекратился или, может быть, начался вновь. Она не была уверена, какой из вариантов был верен, и не была уверена, что это вообще имеет значение.

- Мой принцепс? - снова сказала Отеш.

- Ты мертва, - сказала Улиенн. Или подумала. Она не могла понять, говорит она или думает. Даже в отключенном состоянии реактор "Хиндары" давил на задворки сознания Улиенн; постоянное давление прямо в сером мясе её черепа.

- Ты сейчас мертва, Отеш?

- Мой принцепс?

Улиенн услышала эти слова или представила, что слышит их. Их произнесла Отеш, существо в шкуре Отеш, или же они не были произнесены вовсе.

Улиенн почувствовала тепло и влагу на своём лице. Она плакала. Или у нее снова шла кровь из глаз.

- Идём, - сказала она, обхватив руками подлокотники своего трона управления.

Она почувствовала и услышала скрип своих перчаток. Она всё ещё носила их. Её руки не были чёрными лапами, вплавившимися в металл. Не были. Не были. Хотя она не могла заставить себя посмотреть, чтобы убедиться в этом.

- Мы идём. Двигаемся вперёд с ордой.

"Хиндара" с грохотом и лязгом двинулась вперёд. Давление в голове Улиенн ослабло, совсем немного. Запах нечистот отступил.

Оставшаяся рука "Гончей войны" поднялась. Её шаги, хотя и прерывистые, превратились в бег. Земля задрожала, когда она начала опережать пехоту. Она стремилась вперёд сквозь ряды наполовину скрытых в пыли существ, на которых было больно смотреть.

Поэтому Улиенн не отводила глаз со стен. Сквозь пыльный туман проступали шпили, потускневшие от бомбардировки, рухнувшие крепостные стены, разрушенные оборонительные башни. Если Авалон действительно был оставлен, то это означало, что беженцы и отступающие солдаты должны были хлынуть на просторы ничейной земли между ним и Вратами Вечности.

Для "Хиндары" это означало добычу. Душа богомашины взывала к своему командиру лёгкими соматическими толчками через клубок связей между ними. Улиенн ощутила покалывание. Она приоткрыла губы, и кровь заструилась между гнилыми зубами.

Стены бастиона Авалон становились всё выше, темнели, становились яснее. А потом произошло что-то новое. Над крепостными стенами, в пустом пепельном небе воссияла одинокая звезда.

Через железо костей своего титана Улиенн услышала, как легионеры ликуют, скандируют у ее ног, взывая к "Хиндаре", к Гору, к тварям среди них - и к Ангрону, Ангрону, Ангрону.

Новорожденная звезда начала падать, оставляя за собой огненный хвост.

Четыре. Путь к славе.

Каргос

Он снова двинулся с ордой, на этот раз вместе с Инзаром. Он ставил одну ногу перед другой, и тяжёлые шаги складывались в бесконечный марш, порождая уколы Гвоздей в глубине его мозга. Они посылали боль и кусались, но в присутствии Инзара боль была меньше. Его голос был одним из тех, что ослабляли их ядовитую капель.

Думать тоже стало немного легче. Он начал кое-что вспоминать: кем он был, что он сделал, имена воинов вокруг него. Вот Драэлат, центурион 53-й штурмовой роты. А вот Рангор, изукрашенный гладиаторскими клинками. Каргос не мог вспомнить звание воина, но он знал, что Рангор жульничал в игре в бабки на борту "Завоевателя".

Странно, что он вспомнил об этом сейчас.

Каргос взглянул на Инзара, пока они шли в неровном ритме. Несущий Слово, казалось, почти не

изменился, и в этом было что-то удивительно приятное. Это заставляло Каргоса вспомнить о былых временах. Когда Несущие Слово послали своих капелланов в другие легионы в самый разгар Великого Крестового похода, многие сочли это ненужным братанием. Пожиратели Миров были одними из тех, кто довольно быстро смирился с этим назначением. На примере Инзара можно было понять, почему: тот служил в Восьмой штурмовой роте, и капитан Кхарн очень восхищался его холодной стойкостью, доверяя советам Инзара.

Если бы легион Лоргара послал проповедников, сыны Ангрона не выказали бы им ни малейшего почтения. Но Несущие Слово прислали воинов-священников – в большей степени воинов, чем священников. Капеллана не интересовали правила ведения войны. Когда в спорах заходила речь о воинской чести, он вздыхал; по его мнению, такие вещи придуманы мужчинами и женщинами, желающие укрыться от истины сомнительным отрицанием.

- Воинов создаёт не праведность, – сказал тогда Инзар. – Воинов создаёт война.

Настоящий воин сделает всё, что необходимо для победы в войне. Все остальное было несущественно. Таково было кредо Инзара Колхидского, и благодаря этому его тепло приняли в рядах Пожирателей Миров.

- Хорошие были годы, не так ли?

Каргос прочистил горло.

- Что?

- Годы, когда мы вместе сражались в Великом Крестовом походе. Жестокое время, друг мой. Годы приятной службы. Я часто вспоминаю те времена.

Каргос кивнул. То были хорошие дни. Непокорённая Галактика лежала перед ними в ожидании разрезающих её клинков легионов и примархов, чьи прихоти разделят её на части.

- Во мне всегда было чувство родства с твоими кровными братьями, – признался Инзар. - Многие мои сородичи нашёптывали другим Легионам мысли о воинских ложах и гладиаторских культах, но тем из нас, кто сражался вместе с Пожирателями Миров, не нужно было проповедовать. Славная правда в том, что ты и твой легион с самого начала были готовы к просвещению.

- Просвещение. Чертовски подходящее слово для текущей ситуации.

- Не говори о своих благословениях как о проклятии, – сказал Инзар. – Гвозди болят, но разве они не сделали тебя сильнее? Не стали ли твои мышцы мощнее, а рефлекс быстрее?

- Опять ты со своей дерьмовой поэзией, – пробурчал Каргос. – Избавь меня от анализа медикэ. Я аптекарий.

"По крайней мере," – подумал он, – *"был им. Был"*.

Каргос облизал потрескавшиеся губы. Хотя это было не смешно, но он чувствовал, как смех, подобно желчи, подступает к горлу. Он боролся с тошнотворным чувством, сколько мог, но оно все равно накатило на него: внезапный приступ смеха, похожий на серию прерванных завываний. В этом звуке не было радости. Он смеялся только потому, что устройство в его черепе в этот момент защемило нервы, и он танцевал под его дудку.

Каргос смеялся так несколько раз за последние недели. Чувство, когда тебя заставляли биться в конвульсиях от удовольствия, которого ты не ощущал, было хуже боли.

Инзар никак не прокомментировал это. Он продолжал говорить так, словно никакого смеха и не было. Его тон был тёплым и приподнятым.

- Благодаря твоему ремеслу ты должен лучше других понимать, что не следует отказываться от полученных тобой благословений. Как тебе не стыдно, брат?

Каргос проворчал ответ, который нельзя было назвать ни "да", ни "нет". Как давно с ним никто не разговаривал вот так, по-братски подшучивая над ним? Он порылся в окровавленной мути, что заменяла ему мысли. Он не знал. Казалось, прошла целая вечность.

У него были лишь отрывочные воспоминания о первых анализах Гвоздей, о докладах, которые он видел на светящихся гололитических дисплеях. Эти диаграммы мускулатуры - данные, полученные из цифрового расчленения его братьев - были довольно интересны.

Даже генетически перестроенное тело космического десантника было в основе своей смертным. У сигналов, перемещающихся между мозгом, мышцами и центральной нервной системой, были ограничения смертных. Но Гвозди сняли эти ограничения. Машины боли переписывали электрические импульсы между мозгом и телом, позволяя воинам эксплуатировать собственное тело, заставляя мышцы и сухожилия отдавать больше кинетической энергии независимо от того, могли они это или нет. И вместе с этим пришла радость. Когда все остальные эмоции притупились (прискорбный побочный эффект технологии импланта), адреналиновый восторг жестокости взлетел вверх.

По желанию Ангрона аптекарии легиона вбили Гвозди в черепа своих братьев. А затем, праведно удовлетворённые своим трудом, мясники-хирурги XII легиона вживили их друг другу. Они пожертвовали утешением безболезненной жизни ради большей физической силы на поле боя.

Инзар обратил свои красные глазницы-линзы на Пожирателя Миров.

- Жертва должна причинять боль, Каргос. Это то, что делает её жертвой. Ты отдаёшь что-то ценное, чтобы получить что-то большее. Я не жалею тебя, брат. Я восхищаюсь тобой. Твоя сила, твоя жертва вдохновляют всех нас.

После этого воцарилась тишина. Сколько она длилось, Каргос не знал. Спустя неизвестное время он нарушил её.

- Кхарн, - сказал он в пыль.

Инзар повернул свой шлем в сторону Пожирателя Миров.

- Брат?

- Я, - сказал ему Каргос. - Я был тем, кто нашел Кхарна.

- А, - глубокий голос Инзара стал добрым и понимающим. - Ты говоришь об Исстване. Я знаю эту историю, друг мой. Ты уже рассказывал её мне.

- Нет. На Исстване его нашёл Скане. - Каргос сумел сдержать подступающий смех. - И Скане позвал меня.

В тот день целую жизнь назад, ещё в самом начале, они вытащили своего капитана из-под гусениц "Лэндрейдера". Сколько времени прошло с тех пор, как Каргос в последний раз думал об Исстване?

- За время этой войны я ещё не видел Скейна, - заметил Инзар.

- Это потому, что он мертв.

- Ах, это печалит меня. Он был отличным солдатом.

- Хнх. Хотя в конце и стал предателем. Он пытался бежать от "Завоевателя". Лотара казнила его.

- Действительно? Тогда капитан корабля Саррин сделала то, что должна была. - В таких вещах Инзар был философски практичен. - Но ты говорил о Кхарне.

Каргос пробурчал в знак согласия вместо того, чтобы кивнуть. Еще один маленький сдвиг в обыденности жизни с тех пор, как он получил имплант. Движение головой, даже кивок, иногда подстегивало Гвозди.

- Они сказали, что его зарубил Черный рыцарь.

- Понятно. Как интересно.

Улыбался ли Инзар за своим лицевым щитком? Каргос думал, что да. Несущий Слово говорил так, словно слушал весьма трогательную историю.

- И ты взял его с тела Кхарна, или он отдал его тебе с последними словами?'

- Что взял? Я ничего не брал у Кхарна.

Каргос вздрогнул. Смех снова подступал, Гвозди собирались заставить его засмеяться, но он не хотел этого, не так быстро после последнего раза.

Инзар был воплощенным терпением.

- Ты ничего не взял, мой друг?

- Перестань ухмыляться, колхидский ублюдок. Я слышу насмешку в твоём голосе.

Пока они шли вместе, Инзар поднял зубчатую булаву-крозиус. Он направил ее на оружие, которое Каргос свободно держал в правой руке.

- Если ты ничего не взял у Кхарна, то почему ты несешь его топор?

Когда Каргос нашёл Кхарна, тот стоял на коленях. Для Каргоса это, как ничто другое, было знаком, что мир сошел с ума. Когда он приблизился к своему командиру, судьба одарила его мгновениями ясности.

Как давно это было? Прошли часы? Дни? Недели? Никто больше не был уверен в том, как течёт время. Никто не знал, какой сейчас час, день или неделя.

Чем ближе он подходил к поверженному Кхарну, тем прозрачнее становилась дымка. Он не был уверен, где находится - по его мнению, на границе одного из внешних бастионов - но личность вернулась к нему в достаточной мере для того, чтобы он почувствовал дискомфортный ужас от святотатства позы своего брата-капитана.

В смерти не было стыда, но *встать на колени*? Колени преклоняли перед тиранами. Перед рабовладельцами. Перед императорами.

- Плохой знак, брат. - Каргос склонился над трупом. - Плохой способ чтобы умереть.

Топор Кхарна, Дитя Кровопролития, лежал в обломках в нескольких футах от него. Связующая цепь была перебита у запястья капитана. Кхарн умер без оружия в руке. Ещё один дурной знак - и Каргос не хотел, чтобы это увидели его братья.

Он позвал на помощь по воксу, вызвав десантно-штурмовой корабль, который, как он знал, мог никогда не прилететь сквозь пепел. Услышав приближающиеся шаги братьев, он подтащил Дитя Кровопролития ближе к несжатым пальцам Кхарна.

Как только он сжал рукоять, Кхарн заговорил с ним.

- Это был Сигизмунд.

Шея Кхарна была согнута, гребень шлема склонился в знак поражения. Пыль лишила его цветов, как и всех их. В прорехах доспеха уже давно засохла кровь, и пыль могла зацепиться за неё. Он не дышал. Каргосу не нужны были инструменты его ремесла, чтобы увидеть это. И всё же он заговорил.

Сигизмунд.

Имя отозвалось в сознании Каргоса тревожащей искренностью. На мгновение он снова оказался на арене, в бойцовых ямах "Завоевателя", наблюдая, как Кхарн и Сигизмунд, скованные запястьями, дерутся бок о бок. Правда, в те времена ни один из двух капитанов ещё не снискал большую часть своей славы на гладиаторской арене. Общеизвестным было то, что, когда на кону стояла жизнь, они были одними из самых свирепых воинов Легионес Астартес. На войне они были лучшими. Но то была война. В бойцовых ямах они считались средними бойцами. Всегда дрались до первой крови, редко до третьей; и никогда до сангвис экстремис, никогда до смерти.

Каргос был гладиатором Восьмой роты. Его называли "Плюющим кровью", потому что его излюбленным грязным приёмом был плевок в глаза врага. У них у всех были данные братьями имена, и одно было напыщеннее другого. *Плюющий кровью. Чёрный рыцарь. Расчленитель.*

Каргосу было безразлично: сражаться в одиночку или прикованным к брату по яме. На его коже красовались шрамы, отмечающие совершённые им убийства. В тот день, когда Делварус поддался жажде крови и покинул свой пост на борту "Завоевателя", он победил центуриона триариев в тот день на борту "Завоевателя". Лишь тогда Каргос проявил милосердие, оставив противника в живых по просьбе своего капитана.

Если драка была не до смерти, то её не стоило и начинать. Зачем вообще сражаться, если на кону ничего не стоит? Как говорил его соратник на арене, его брат по цепи, *в играх не было славы*. Тогда это было истинно. Истиной осталось навсегда.

- Убит собственным братом по цепи, - тихо сказал Каргос коленопреклоненной фигуре. - Самый горький удар.

Лицевая пластина Кхарна была расколота, обнажая большую часть лица. Удар, разбивший шлем, также выбил половину зубов. Казалось бы, что раны на лице и груди, не говоря уже об отсутствии дыхания, должны были затруднить его речь, но слова звучали отчётливо.

- Я иду по Восьмеричному пути, - сказал Кхарн, не шевеля губами. Вообще не шевелясь. - Я иду по Пути к славе.

Облако мух пролетело над его неприкрытой кожей. Одна из них приземлилась прямо на его открытый глаз.

Каргос ничего не сказал. На него упало несколько теней. Подошли его братья.

- Верните его тело "Завоевателю".

Реакция была разной. Кто-то усмехнулся, кто-то одобрительно заворчал. "Зачем?" - пробормотал один из воинов позади него.

- Он был лучшим из нас, - сказал Каргос. - Вот почему.

Каргос поднялся на ноги - и вместе с ним из пыли поднялось Дитя Кровопролития. Цепь, привязывающая его к запястью, звенела в вековой гладиаторской мелодии. Вес оружия был приятен. Он чувствовал на рукояти вмятины от пальцев Кхарна. Он чувствовал место, где руна активации была стёрта до гладкости.

После этого всё быстро стало блёклым. Он не мог вспомнить как грузил тело Кхарна на какой-либо десантный корабль, но также не мог вспомнить, как он оставил своего капитана там, под обломками. Либо то, либо другое должно было быть правдой, но он понятия не имел, что именно. Когда он поплёлся вперёд, следуя за фигурами в пыли, его воспоминания превратились в серый круговорот.

Возможно, именно тогда и начался поход к Вратам Вечности.

- Возможно, так оно и было, - согласился Инзар.

Каргос молча смотрел на горизонт. Его пересохшее горло спускалось в измученное болью мясо его тела. Кровь Императора, как же его мучила жажда.

Впереди в тумане начали появляться стены. Высокие, тёмные пятна, которые, несомненно, были крепостными стенами одного из Палатинских бастионов. Возможно, Меру. Или Пифии. Или Авалона. Нет. Стоп. Разве они уже пали?

- Это бастион Авалон, - сказал Инзар.

- Откуда ты знаешь мои мысли? - огрызнулся Каргос. - Ты теперь умеешь читать в чужих разумах? Это дар тех, кого вы называете богами?

Голос Несущего Слово оставался терпеливым и понимающим.

- Ты сказал это вслух, мой друг. Ты говоришь без умолку с тех пор, как мы встретились три дня назад.

Три дня. Три дня?

- Почти четыре, - подтвердил Инзар.

Каргос фыркнул, что могло означать как согласие, так и нет.

Через вокалайзер шлема Инзара донёсся его вздох.

- И готов поспорить, ты нашел Кхарна за неделю до этого. Возможно, даже раньше.

- Как скажешь, проповедник.

- Ты чувствуешь то же, что и я? В последние несколько часов что-то изменилось в воздухе. Это присутствие рядом".

Каргос не чувствовал ничего, кроме игл в глубине своего мозга. Он не постеснялся сказать об этом.

- Твой отец здесь, Каргос. Я чувствую его священный гнев, то, как он ведёт орду за собой. Мы лишь пилигримы в его тени.

Ангрон. Здесь.

Как давно Каргос не видел того, во что превратился его отец? Он постарался удержать эту мысль, но она ускользнула из его головы, не сформированная и не высказанная.

- Там. - Инзар прервал его мысли, указывая на небо. - Видишь?

Над далёкими стенами сияла одна-единственная звезда. Как только Каргос взглянул на неё, она приковала его взор, и по его коже пробежала холодная дрожь. Гвозди укусили чуть сильнее, но боль притупилась. Это было почти облегчение.

- Ты чувствуешь это, - сказал Инзар.

- Я вижу мерцание огня в небе. Ты веришь, что это Ангрон?

- Я знаю, это он. - Инзар завороченно смотрел на далекое пламя. - Нерождённые поют о нём за завесой. По правде говоря, это песня зависти. Они завидуют ему за честь его возвышения. Они были созданы бессмертными. И мы, и даже наши примархи, смертны и должны бороться за это. И благодаря священной ярости Ангрон победил, Каргос. Он прошёл этот путь, и о, как они любят и ненавидят его за то, что он преуспел.

- Путь, - повторил Каргос.

Он словно снова слышал последние слова Кхарна.

- *Мы идем по Восьмеричному Пути. Мы идем по Пути к славе.*

Его кровь заледенела. Ему пришлось подавить дрожь.

- Как по мне, это звучит как ещё более нудные колхидские стишки.

- Неужели? - В голосе Инзара не было ни капли обиды на тон Пожирателя Миров. Капеллан шёл рядом с Каргосом, его глазные линзы были обращены к небу. - Я говорю это ради твоей души, друг мой. Я здесь, чтобы вести тебя вперёд, как Лоргар вёл Ангрона. Ни у кого из нас нет выбора, Каргос. Теперь мы все идём одной тропой.

- Бессмертие. - Каргос пролаял это слово с насмешкой.

- Бессмертие, - согласился Инзар, - либо вечная агония.

- Я уже в агонии, - сказал Каргос с ухмылкой. - Ты научишься жить с этим.

- Нет, друг мой. Ты испытываешь боль. Слова не могут выразить пропасть между известной нам смертной болью и агонией без конца, что ожидает всех нас.

На востоке прогрехотали шаги титана "Налётчик". Он сотрясал разорённую землю, и Каргос смог разглядеть его двигающийся вперёд сгорбленный силуэт. Пока он приближался к стенам, множество фигур, которые могли быть людьми, а могли и не быть, двигались за ним по пятам. Он слышал стайный вой этих фигур. Он слышал шёпот, слишком далёкий, чтобы достичь его ушей. Каргос почувствовал, что крепче сжимает топор, и снова посмотрел на капеллана.

- Не шути со мной, проповедник.

- Каргос, меня вряд ли можно назвать шутником.

Это было правдой. По какой-то причине эта мысль заставила Гвозди зудеть, и Каргосу пришлось прорычать слова сквозь стиснутые зубы, сдерживая внезапный прилив нежелательного смеха.

- Ты действительно знаешь, что происходит с нами после смерти?

Впервые язык тела Инзара выдал его удивление. Каргос услышал слабое дыхание другого воина и кратковременное вздрагивание в сочленениях доспехов своего собеседника. Он не ответил сразу, а вместо этого устремил свой взгляд в небо, наблюдая за тем, что, по его словам, было звездой гнева Ангрона.

- Теперь ты решил игнорировать меня? - Каргос рассмеялся, и это был настоящий смех. Кровь Императора, как это было приятно.

Инзар наконец опустил взгляд с небес.

- Твой отец преподнёс великий дар вашему легиону. Гвозди Мясника были маяком, освещающим путь. Лоргар дал нашему легиону такой же дар. Он дал нам истину.

Каргос позволил своему взгляду устремиться вдаль. Не на звезду - она ощущалась как колючий жар на коже, несмотря на броню, - а на силуэты и тени орды вокруг. Он наблюдал за ними: за своими братьями, за существами, притворяющимися его братьями, и за людьми, поработанными всеми ими. Успокаивающий голос Инзара звучал подобно барабану.

- То была уродливая истина. Когда он узнал, что реальность - это ненавистная ложь, тонкая оболочка, под которой кипит улыбающееся проклятие, это чуть не сломило его. Ты можешь себе это представить, друг мой? Быть первым живым существом, которое узнало - по-настоящему осознало - что каждого мужчину, женщину и ребенка после смерти ждёт растворение в океане кипящего ужаса?

Каргос крепко стиснул зубы, чтобы не дать звуку в горле, выйти наружу. Ему казалось, что его сейчас стошнит смехом, и если тот вырвется наружу, то он боялся, что потеряет контроль над своими конечностями. Как будто веселье Гвоздей каким-то образом овладеет им, и неизвестно, надолго ли.

- Опять дерьмовая поэзия, - пробормотал Каргос, сомневаясь в своих словах даже тогда, когда произносил их.

- Напротив. Я говорю настолько ясно, насколько могу. Слабые души будут гореть недолго, всего лишь мгновения агонии, прежде чем сгорят дотла и станут частью варпа. Но более сильные души, души псайкеров, могут рассчитывать на вечность...

Капеллан запнулся. Замешкался. И начал снова.

- Мы все стоим перед простым выбором. Никакая вера в ложного Бога-Императора не может спасти душу. Самых слабых из нас ожидает забвение. Мучения и окончательное уничтожение станут наградой для сильных. Боги за завесой – удивительные существа, мой друг. Но они гневливы, и по любым меркам человеческого восприятия они безумны. Да, Несущие Слово воспевают Пантеон потому что поклоняются ему. Но в нашей вере есть прагматизм. Мы – легион, первым нашедший нечто достойное поклонения за пределами реальности. Но мы также и легион, который первым нашел то, чего стоит бояться.

Каргос чувствовал запах крови, и его затылок становился тошнотворно жгло. Гвозди кровоточили, кровь вытекала в шлем. Он чувствовал, как влага его жизни течёт по шее. Он попытался заговорить, но ничего не вышло.

- Лоргар видел всё это. Он подвел Ангрона к пропасти и дал твоему отцу шанс на бессмертие. Глупцы при взгляде на него видят чудовище. Зрячие же видят всё, что он преодолел. Он – Красный Ангел. Он – сын бога войны. Человек, что отказался принять смерть и агонию подземного мира. Ему была противна мысль о возможном забвении. Вместо этого... он решил жить вечно, чего бы это ни стоило".

Вокруг них замаячили фигуры и тени других воинов, раздался вой и рёв. Кожу Каргоса закололо; ему стоило огромных усилий не присоединиться к ним и не издать громкий звериный рык подобно другим. Голос Инзара продолжал звучать, теперь уже монотонно пылая как настойчивая проповедь и как братское утешение.

- Ты ненавидишь Ангрона за то, что он сделал с тобой, за грех, сделавший вас сильнее в обмен на способность мыслить? Друг мой, он сделал гораздо больше. Он дал вам *выбор*, которого лишены многие другие. Вы можете умереть как смертные, страдать как смертные – или идти по этому пути и жить вечно".

Инзар был глазом бури, единственным очагом спокойствия. Шаги титанов сотрясали землю вокруг. Мужчины, женщины, демоны и мертвые завывали. Инзар поднял свой крозиус, указав им на одинокую звезду в небе.

- Посмотри на своего отца, Каргос. Ибо в первую очередь он дал своим сыновьям пример для подражания.

Над ними, высоко за стенами Авалона, пылающая звезда начала падение.

- Он дал вам мессию.

Пять. Бессмертие через уничтожение.

Ангрон

Боль может уничтожить человека. Существуют такие страдания, после которых личность просто не может существовать в томместилище, что осталось. Такая степень страдания достаточно часто встречается среди умирающих, но она не ограничивается теми, кто обречён на смерть. От боли человек может кричать до утраты сознания. Можно испытать такую боль, что исчезнет всё, кроме способности

биться в агонии.

Существо, которое когда-то было Ангроном, узнало, что ярость способна на то же самое.

Личность Ангрона, в той мере, в какой *он* вообще оставался им, теперь была сведена к кипящему вороху синапсов. Он не обладал способностью рассуждать, потому что вихрь внутри его головы не позволял ни ощущениям, ни воспоминаниям развиваться в мысли. Вместо мозга у него был токсичный суп, изрезанный искрящимися кабелями. Вместо многослойного разума – ярость, настолько полная и неприкрытая, что она граничила с счастьем.

В отсутствие высшего мышления остался только инстинкт, целиком красный, обращённым против самого себя.

Горше всего было то, что в Ангроне не осталось ничего, благодаря чему он мог бы оплакать собственную судьбу. В сердце заблуждений его братьев-примархов, как бы они ни были обмануты, всё же было место для мучительной эмпатии. Независимо от обмана, который им предлагали, и лжи, которой они себя утешали, в них теплилось мышление, ещё больше подпитывавшее их силу потоком полных сожаления страданий. Но Ангрону, брату, который громче всех кричал о свободе, даже не дано было понять, каким рабом он стал.

У бессмертия было много вкусов. Не все они были так сладки, какими казались.

Возможно, Ангрону было бы еще мучительнее, если бы ему позволили обрести хотя бы каплю разума, достаточную для того, чтобы он мог страдать от этого знания. Какое-нибудь другое божество-покровитель позволило бы подобному пробуждённому осколку существовать внутри своей марионетки, наслаждаясь беспомощностью осознающей это души, попавшей в его руки.

Но Бог крови был Отцом резни и Владыкой войны, и ему не было дела до космической иронии. Страдания его слуг не для него имели значения. Ничто не имело значения, кроме проливаемой ими крови... и мало кто из его рабов служил этой цели так хорошо, как существо, что некогда было Ангронием с Нуцерии.

Ангрон мчался впереди скандирующих его имя армий. Он парил над ними, пролетая сквозь пепельную смесь, в которую превратился воздух Терры. Некоторые из тех, кто стоял под ним и позади него, были смертными, его сыновьями и дочерьми в вознесении и проклятии. Другие никогда не рождались во плоти с кровью или костями. Они сформировались в царстве за пределами реальности, и теперь Ангрон был подобен им. Его существование не было существованием смертного. Он был воплощён. Только кровопролитие привязывало его к этому холодному реальному миру. Каждую секунду его существования на Терре он мог быть втянут в воющую пустоту. Он убивал всех и уничтожал всё, оставаясь воплощённым только благодаря резне.

Под ним лежал Авалон, один из последних оставшихся бастионов Палатина. Он смутно знал о нём. Для него это была не крепости с защитниками – это осталось в прошлом – но скорее воспоминание об обещании, которое он должен был выполнить. В Авалоне был кто-то. Знание об этом также не сопровождалось мыслями. Он знал это подобно тому, как раб боится поцелуя кнута даже во сне.

Здесь должен был быть кто-то, чья кровь должна стекать по его горлу горячими глотками. Кто-то, чья смерть приковала бы его к этой жизни, освободив от боли засасывающей пустоты.

И всё же.

Бастион Авалон был бескровным полем битвы. Враги покинули его, эвакуируясь перед лицом орды. Паря над безмолвными крепостными стенами, Ангрон чувствовал отсутствие жизни. Он не думал о том, что это может означать с тактической или логистической точки зрения. Он знал только то, что здесь нечего убивать. Ни одного существа, которое нужно было убить. Вообще никого.

В этот момент кислота снова застлала его глаза. То было видение, приходившее к нему в подобные мгновения без войны и крови: один образ, кипящий в жерновах его чувств. Оно плетью побуждало его погрузиться ещё глубже, подстёгивало, хлестая по его разуму.

Крылья.

Белые крылья, запятнанные кровью. Крылья, выходящие из золотых доспехов. Крылья, что он с силой ломал в своих когтистых руках. Крылья, что он вырвет из мускулов и костей.

От белизны в голове он зарычал, выплескивая бессловесную ярость. Здесь нечего разрушать, нечего убивать. Мёртвый камень. Холодный металл. Пусты, они были пусты.

Крылья. Крылья ангела. Оперённые белым крылья золотого ангела.

Молния сверкнула по черепным имплантам, паразитирующих в его мозгу. Этого было почти достаточно, чтобы он упал с небес.

Крылья. Крылья его брата. Его брата, ангела, чья кровь должна была стекать по его горлу, принося силу и избавление боли.

Его брата, которого здесь не было.

Ангрон огласил небеса еще одним рёвом карнозавра, попытавшись уменьшить боль подобно зверю. Как и всегда, из этого ничего не вышло. В эти мгновения даже те жалкие обрывки личности, которыми он еще обладал, утонули в песне Бога войны, составлявшей каждый атом его существа. Но где-то в пыли под собой он почувствовал тепло жизни, и этого было достаточно, чтобы привлечь внимание его деградировавшего мозга и его первобытной жажды. Проблеск, не больше, но и этого было достаточно.

Ангрон нырнул вслепую, оставляя за собой шлейф пламени. Лишённый грации, подобно горгулье, быстрый, как падающая звезда. Всё же здесь была добыча.

О смерти титана "Конкламатус" нет записей ни в одном имперском архиве – по крайней мере, ни в одном, пережившем осаду Терры, – и она осталась незамеченной защитниками Дворца. За несколько дней до смерти его уже списали как потерю, а те, кто был в состоянии оплакать его, уже оплакали.

Его принцепс и команда вызвались остаться в Авалоне после того, как остальные покинут бастион. У них не осталось выбора. Война искалечила "Конкламатус", и он едва мог двигаться. Вместо того, чтобы хромать сквозь ничейные земли и неизбежно заработать паралич реактора на полпути к Санктуму, он остался в бастионе Авалон и присел с внешней стороны стены. Там, в пыли и пепле, он был и сейчас, ожидая.

Его стабилизаторы были пробиты насквозь, а движители барахлили после месяцев во Внешнем Дворце. После отступления для ремонта "Конкламатус" был возвращен в строй ещё до того, как хотя бы один адепт поднес паяльную лампу к его разбитому корпусу. Поэтому она погрузила колено в пыль для устойчивости, а не из-за символизма, максимально приспособив свою ветхую конструкцию для ведения огня.

У него было то, что можно было бы назвать планом, хотя, правильнее было бы назвать это намерением. Когда орда обрушится на титан, тот пустит в ход немногие оставшиеся боеприпасы. Большую часть своих запасов он завещал отступающим однотипным титанам. Несмотря на шрамы реактора и коленапреклонную позу, он оставался "Полководцем", и намеревался умереть так же, как жил - будучи владыкой войны. Его руки были направлены туда, где, по представлениям команды, находился горизонт. На правой крепилось орудие "Беликоза", гудящее от слабого заряда, способного, тем не менее, разрушить городской блок. Левая оканчивалась клешнёй, чьи когти были изуродованы чрезмерным использованием, но всё ещё могли двигаться, всё ещё способны сжиматься и разжиматься. В корпусе оставался ничтожный запас артиллерийских боеприпасов, уже заряженный в наплечные орудия. Этим гатлинг-макробластерам следовало выть, вращаясь - они должны были составить единую и, как ожидалось, славную финальную симфонию.

Этому плану не суждено было осуществиться. Можно только предполагать, что происходило в умах принцепса и экипажа. Правда, пожалуй жестокая и простая, заключалась в том, что последний бой "Конкламатуса" был лишь одним из десятков миллионов в этой войне. Почему его команду следовало увековечить, в то время как множество других осталось незамеченными, неизвестными или обречёнными на забвение? Орде, несущейся к титану, не было никакого дела до человеческих жизней под бронёй, а его убийцу это волновало ещё меньше. Поэтому последний бой "Конкламатуса" прошёл так.

Добыча Ангрона была закована в ненужное ему железо, поэтому он ударил не в попытке убить, а чтобы пробить оболочку.

Он многого не знал в тот момент. Он не знал, что ударил "Конкламатуса" между лопаток с силой, достаточной для того, чтобы сломать механизмы его позвоночника и расколоть десятки поршней в позвонках. Он не знал, что принцепсу титана, удостоившегося почестей за сорок шесть лет безупречной службы в Легио Игнатум, вышло зрение от столь близкого появления Ангрона. Он не знал, что душу принцепса уже вырвало из плоти, и она начала кипеть в варпе ещё до того, как тот закончил кричать.

И если бы Ангрон знал хоть что-то из этого, то ему всё равно бы не было дела. Такие истины были бессмысленны для существа, в которое он превратился.

Он знал лишь, что в теле титана есть жизни, которые можно оборвать, и кровь, что может течь. Он вырвал сердце-реактор "Конкламатуса", не обращая внимания на ожоги, нанесённые его плоти ядром, извергающим огонь искусственного термоядерного синтеза. Эссенция варпа, составлявшая его физическую форму, регенерировала, даже будучи уничтоженной. Он выживал, процветая за счёт разрушения. Ангрон достиг самой сомнительной вершины - он совершил последние шаги на Пути к славе. Он достиг бессмертия через уничтожение.

Обезумев от ярости, он бросил свою горящую ношу на стены бастиона Авалон. На краткий миг вспыхнуло ложное солнце, ещё один взрыв среди миллионов других на этой покрытой шрамами планете. Затем в мире рушащихся стен рухнула ещё одна стена, и Ангрон проревел единственное слово, которое ещё был в состоянии произнести.

Он выкрикнул имя своего брата.

Часть 2. Ослеплённый мир.

Шесть. Последний человек на Terre.

Амит

Демон родился в тот момент, когда умерла королева, отравленная королём, которого она любила. Когда она вздохнула в последний раз, запутавшись в шелковых простынях с кровавым узором, демон издал крик рождения в царстве за реальностью.

Первым, что сожрал демон, была потерянная душа королевы, вырванная из ее тела в кипящий варп. Пожалуй, в этом была своя мрачная поэзия.

История – этот хищный лжец – со временем поглотит имена вероломного короля и преданной им королевы. Для космоса их правление ничего не значило: это были всего лишь два человека среди кишаших квинтиллионов, ещё одни тщеславные правители очередной империи на очередном мире, движущемся сквозь бесконечную тьму. Настоящим вкладом их жизней стало убийство в ночи, вспыхнувшая за ней война и чума, последовавшая за войной. Столько страданий из-за щепотки трав в одном кубке вина.

Существо, родившееся в результате их действий, не знало имен тех, благодаря кому родилось на свет. Его настоящим отцом было предательство, а настоящей матерью – болезнь. Оно росло за завесой между реальностью и нереальностью, обретая форму среди волн. У кипящего варпа были свои законы, но они ничем не напоминали физику реальности. Времени там не существовало.

Демон рос. К нему пришло самосознание. Вместе с ним росла сила.

Создание получило имена от культов, выросших для поклонения ему, а также от кажущихся набожными мужчин и женщин, стремившихся уничтожить его. Оно принимало эти имена, поклонение и ненависть как должное.

Безвременье закончилось в точке между "всегда" и "никогда". Демон проявился в мире, который когда-то назывался Землей, а теперь – Террой. Вместе с бесчисленными армиями своих сородичей он был призван, чтобы вопить о своем отвращении и ярости у разрушенных стен сражающегося Императора. Все безвременное существование этой твари вело к этому моменту. Наконец-то демон мог нести мучения в реальный мир.

Перестав быть сном, он вырвался из варпа в реальность.

Его руки представляли собой девятисуставчатые когти, сросшиеся с рукоятью проржавевшего меча. Единственный глаз был шаром молочного цвета, наполовину скрытый корочкой. В раковой плазме, что выдавала себя за его плоть, он нёс чуму, которая некогда пронеслась по давно забытому королевству короля и королевы. Со слюной он источал вирусы. Он кричал о болезни.

Он умер через четыре секунды после проявления.

Словно на скотобойне, его тело было рассечено на исчезающие куски. Останки демона, несвязанные витки эктоплазматической жижи, сгорели дотла в грязном воздухе.

Его убийцей стал воин Астартеc в потрескавшихся от войны доспехах, с зажатым в одной руке зазубренным ножом и цепным мечом в другом. С обоих клинков стекали нити нереальной крови. На его нагруднике красовался откованный из бронзы крылатый череп. Это был Импералис, символ чистой верности, который носили все оставшиеся в живых воины. Один из его наплечников нёс имя "Нассир Амит", написанное на символическом енохианском свитке.

Как и все ему подобные, Амит и был, и, строго говоря, не был человеком. Точнее было бы сказать, что воины Легионес Астартеc – это подвид, созданный из изменённого видения человеческого шаблона. Если ещё точнее, то Амит был почти не человеком, а скорее живым оружием, созданным разнообразным гениальным мастерством и заключенным в слои силового керамика.

Кому-то из его рода была противна эта идея чистого оружия. Другие приняли ее. По обе стороны войны были приверженцы обоих принципов.

Амит твёрдо принадлежал к последним. Заботы, обременявшие людей, отвлекали его от достижения цели. Он оставил свою человечность как нечто обременительное.

Он ничего не видел в пыли. Ни развалин Дворца, занимающих горизонт на севере, востоке и юге. Ни последней преграды в виде Дельфийского укрепления на западе. Мир лежал в пепле и дыму. Звуки обстрелов были повсюду, лишая сна в течение нескольких месяцев подряд, но теперь даже барабанный бой бомбардировок затих, став лишь глухим шепотом из-за пепла в воздухе. Пепла, что был воздухом.

И ксеносы из другого измерения были здесь. Эти существа...

Демоны. Ты знаешь, что они демоны. Почему ты сопротивляешься этому слову?

...лишь изредка проявлялись в пределах Палатинского кольца. Император, в своей славе, сдерживал их.

Но не теперь.

Амит стоял в сердце задыхающегося от пепла мира и снова запрашивал подкрепления, доклады и приказы, больше не получая ответов. Он пытался связаться уже в девятнадцатый раз после падения бастиона Пифия. Уже несколько часов он не встречал ни других выживших, ни врагов.

Еще до того, как отказал вокс, выжившие знали, что всё кончено. Хан был ранен и лежал при смерти. Последняя стена пала, а вместе с ней пали и районы Внутреннего Дворца. Они также знали, что будет дальше – с триумфальной ухмылкой это повторялось тысячи и тысячи раз по линиям связи предателей: Гор готов к высадке. Его глашатай, Ангрон, расчищал последний путь, убивая всех между Последней стеной и Вратами Вечности.

Затем вокс начал умирать. С других сражающихся аванпостов доносилось всё меньше напряжённых голосов. Они не предлагали друг другу никакой помощи, лишь сообщали о своём бедственном положении – некоторые с мрачным юмором, некоторые со страдальческими проклятиями, некоторые с печальной, неприкрытой честностью. Голоса, с треском доносившиеся по приходящим в негодность вокс-связям, были то задыхающимися, то напряженными от подавления боли и эмоций. Все они намекали на ранения, о которых говорящие не хотели признаваться. На фоне каждого сообщения слышались выстрелы, и всех говорящих объединяла слепота. Все они были окружены. Никто не мог вырваться, и никто не мог ничего увидеть.

Бастион Пифия пал три часа назад. Перед тем как покинуть крепость, Амит добавил свой последний отчет в рой аудиосообщений вокс-связи. Он был одним из последних защитников, покидавших крепость,

и бастион сотряснулся вокруг него, осыпаясь дождём обломков.

- На юг, - приказал он своим выжившим воинам и беженцам, которых они были вынуждены защищать. - Не идите в Разави, они уже эвакуируются. Идите к бастиону Голгофа. Если не сможете добраться до Голгофы, бегите в Санктум.

Насколько он знал, отправив их в пустоши, он послал их на смерть. Никто достоверно не знал, в какой стороне находился юг. Большинство приборов выдавали случайные данные о направлении и регистрировали течение времени случайными скачками. Два патруля, встретившиеся в пепле, сообщили бы, что сейчас два разных дня недели. Все искажалось пылью или помехами от...

Демонов, они демоны

...от нематериальных ксеносов, попавших из их реальности в эту.

Амит не снял шлем, чтобы не встретить тишину беззащитным. Даже его усовершенствованные лёгкие с трудом справлялись с пеплом, загрязнявшим воздух. Вместо этого он двинулся по пересечённой местности, по впадинам и кратерам, бывших дорогами, площадями и колоннадами - всё это было стёрто в пыль орбитальной бомбардировкой, огнём титанов, артиллерией, передовыми отрядами орды Гора. Всё это разрушалось и уничтожалось в актах тупой ненависти.

Земля была заражена. Он осторожно ступал по ней, обходя участки, где земля была покрыта мозолями и бородавками, держась подальше от рябящих луж вонявшей раком не-воды. Кто бы мог подумать, что мрамор может сочиться гноем? Кто бы мог предположить, что земля может кровоточить?

От этого невозможно было оправиться. Независимо от того, кто выигрывает войну, Терра будет вечно нести эту болезнь в сердце.

Амит продолжал идти. Его целью было соединиться с одним из конвоев. Некоторое время компанию ему составлял только звук его собственных шагов, но к данному моменту он уже давно устал, утомление пропитало его до костей. Когда он в последний раз спал по-настоящему? Несколько недель назад в Горгоновом рубеже перед великой битвой за удержание Сатурнианской стены он урвал полчаса. Это словно было в другой жизни. Жизни, принадлежавшей кому-то другому.

Он проходил мимо тел, некоторые из них принадлежали врагам, некоторые - его братьям и кузенам или солдатам, которыми они командовали. Большинство из них поглощала земля, нити нереальной материи сплетались вокруг мертвых и сплавляли их с заражённым камнем. Другие тела медленно срастались, соединяясь клейкой грязью, превращаясь в массу некротической плоти. На пустоши рос сад, плодоносящий фруктами, которым не должно было созревать.

Он шел. Прицельная сетка Амита свободно перемещалась по неразличимому в белесой пыли ландшафту. Он не искал живых врагов. Он искал хоть кого-нибудь живого.

На войне случались подобные затишья, внезапная нездешняя тишина между долгими часами сражения. Время, когда даже отдалённые раскаты артиллерийского огня затихали в непрочной тишине. И наоборот: внезапные порывы звука и адреналина между медленно тянущимися часами безделья.

Но всё же по спине бежал холодок от непрошенной мысли: что война на самом деле закончилась, и только он один остался в живых. Последний выживший в некрополе человечества.

За этой мыслью следовала другая: что он сам уже умер. Возможно, он погиб в бою и теперь блуждает в

этих белых пустошах. Может быть, после смерти он попал сюда, став изгнанником в пепельном чистилище.

- Это доминион Нассир Амит из Девятого легиона, нахожусь к югу от бастиона Пифия в Палатине.

Шум статики.

- Бастион Пифия пал.

Статика.

- Кто-нибудь слышит меня?

Статика.

Сколько времени прошло с тех пор, как он видел своего отца? В последний раз, когда он встречал Ангела Императора, Сангвиний сам был на грани истощения, стремясь сражаться везде и сразу в то время, как Хана не стало, а Дорн был окружен. Находился ли сейчас примарх в одном из Палатинских бастионов, организуя его оборону? Или он всё ещё парит где-то над пеплом в поисках врагов на земле?

Амит наткнулся на новые тела. Ещё больше людей, погибших во время бегства из Пифии или какого-то другого бастиона. На них уже осела пыль, скрыв радиационные ожоги и укутав их с долей достоинства. Один из них умер с открытым ртом - теперь он был полон серой пыли - и вялая рука мертвеца лежала на раскошенном камне, пальцы скрючились в дюйме от упавшей лавинтовки.

Они умирали так легко, эти солдаты Имперской Армии. В самом деле, что такое человек, как не мешок с кровью и костями, лопающийся при малейшем давлении? Но, к их чести, они умели сражаться. Во всех, кто смог дожить до этих последних часов войны, была приличная смесь из мастерства, решительности и чертовского везения. Теперь на счету была каждая винтовка, равно как и каждое сердце, которое билось за ней.

Когда линия фронта стала лишь фикцией, эта территория стала вражеской. За время войны Амит не раз бывал на вражеской территории, видел врытые в землю огромные железные столбы, поддерживаемые обрезками строительных лесов и увешанные мертвецами. Гордо возвышались виселицы, на которых болтались казнённые защитники. Солдаты-люди, гражданские, воины Астартес - все они были осквернены смертью, их трупы закованы в цепи, освежёваны и осквернены десятком других способов, чтобы привлечь взгляды чёрных глаз безумных богов.

Но эти тела не были осквернены. Что бы ни убило бегущих мужчин и женщин, оно буквально появилось из ниоткуда.

Амит вглядывался в окружающее ничто, суставы его изношенных доспехов потрескивали барахлящими сервоприводами, когда он поворачивал голову. Оно всё ещё было здесь, где-то рядом.

Его внимание привлекло движение. Рот мёртвой женщины открылся, и из него показались длинные пальцы. Её тело сотрясалось. Амит приблизился, и из груды покрытых пылью мертвецов поднялась вновь рождённая рогатая тварь, использовавшая их смерть как дверь в реальность.

Они смотрели друг на друга, трансчеловек и монстр. Демона притягивало присутствие Амита, он питался гневом, бившимся в двух его сердцах. Краснокожее существо оскалилось на него, стоя на кургане из тел. Оно кричало, высунув язык, и провозглашало свое превосходство. Оно выкрикивало свое имя на языке, который людям не суждено понять.

Амит уже слышал всё это раньше. Он поднял меч и кинжал, медленно покрутил ими, чтобы ослабить боль в запястьях, и двинулся вперёд.

Семь. Прокажённое чрево.

Зефон

Он проснулся во тьме и тишине, и пробуждение было неприятным. Обычно пробуждение транслюдей Легионес Астартес было быстрым и резким, они приходили в сознание синаптическим рывком. Сейчас было по-другому. Это было не столько пробуждение от дремоты, сколько восстановление сознания, вынырнувшего из глубин комы.

У него не было выбора: он лежал на спине, наблюдая за мерцанием маломощных лампочек над собой и прислушиваясь к биению двух своих сердец. Один ритм был медленным и регулярным, другое сердце билось лишь раз в десять секунд или около того, его камеры были припасены на случай сильных нагрузок. За этим барабанным боем слышались звуки работы его доспехов, урчащих на малой мощности.

Когда он попытался начать говорить, его голос был тягучим, хриплым от усталости.

- Они прорвали основную линию, - сказал он мерцающим над головой осветительным шарам. - Вам нельзя здесь оставаться.

Он не хотел этого говорить. Он не знал, почему он это сказал и что это значит.

Голос, который он не узнал, произнёс незнакомое имя. Он не мог увидеть говорившего; он всё ещё не мог даже повернуть голову. Он попытался сказать, что не понимает, что происходит, но слова опять выходили неправильными.

- Противник уже вблизи наших передовых позиций. Артиллерия. Если наши настенные орудия стреляют, то и их тоже. Дальнобойное оружие есть у обеих сторон. Почему вы здесь? Вы не ополченец".

Вновь послышался другой голос, такой же спокойный, как и раньше. На этот раз он произнёс не только имя.

- Интересно, - сказал он, из-за трещащего динамика голос был металлическим и слабым. Но это был человеческий голос. - Остатки воспоминаний. Возможно, это самые последние слова, предшествовавшие потере сознания.

- Они прорвали основную линию обороны, - повторил он. Произносить эти слова было отвратительно. Как будто кто-то засунул пальцы в его горло, заставляя мышцы издавать неправильные звуки. Ему хотелось закричать, освободить горло от перекрывших его странных слов... но он боялся, что его крик прозвучит спокойно, как "Они прорвали основную линию обороны. Вам нельзя здесь оставаться.

- Слушай меня, - продолжал другой голос. - Ты же слышишь меня?

Да, - попытался сказать он. - Да, я слышу тебя.

Они прорвали основную линию обороны, - сказал он вместо этого.

- Действительно? - ответил голос. - Как бы ни были увлекательны ваши предстазисные бормотания, сейчас не время для таких рассуждений. Я должен извлечь тебя из прокаженного чрева твоего перерождения. А теперь... сожми кулак. Ты можешь это сделать?

Он сжал кулак. По крайней мере, он думал, что сжимает.

- Хорошо, - сказал голос. - Хорошо. Теперь снова открой глаза.

Он не заметил, что закрыл их. Он открыл их - глаза были липкими, а зрение нечётким. Он попытался сказать об этом, но снова не смог.

- Они прорвали...

- Священный Марс, заткнись, - вздохнул голос. Затем он пробормотал: - Возможно, они были правы насчет повреждения мозга.

Другие голоса присоединились к ним, бормоча с похожей тревогой.

- Мы должны его осмотреть, - сказал один из них.

- Всенепременно, - ответил первый. - Выполняйте свои функции.

- Повелитель? - Этот новый голос был гораздо мягче. - Повелитель, это Шафия. Я с вами. Мы все с вами. Можете ли вы открыть глаза, господин?

Он снова открыл их. Над ним склонилась расплывчатая фигура, её черты были неразличимы. Послышался звук спрея, по его лицу пробежал холодок влаги, а вокруг глаз провели тканью.

Это немного помогло. Фигура исчезла, и он вновь видел потолок над собой. Это зрелище не принесло просветления, потому что увиденное было бессмысленно.

- Как, - спросил он, - как может гнить металл?

Ни один из голосов не стал отвечать на этот вопрос. Он слышал, как в полутьме вокруг него двигались несколько фигур, слышал их шаркающие шаги и завывающую пневматику бионических протезов. Он слышал дыхание незнакомцев - медленное, спокойное, но какое-то затруднённое. Эти звуки были ему знакомы. Так двигались и дышали сервиторы.

- Хозяин, вы можете сесть?

Он поднялся, суставы доспехов затрещали, и тут тошнотворной вспышкой в затылке пришла боль. С этим он мог справиться. Головокружение и тошнота были менее приятны. Тошнота была редкостью для его вида. Астартес были спроектированы быть выше таких недостатков смертных.

Он двигался медленно, опираясь на конечности, гудящие от плавно работающей изысканной бионики. Когда недомогание прошло, он посмотрел на свои руки и увидел ладони и пальцы из полированного металла, почувствовал, как они гудят от мягкой радости аугметического совершенства. Обе его руки были бионическими, как и одна из ног. То были не грубые и функциональные легионные протезы, а прекрасная, искусно сделанная бионика, по форме и нервной чувствительности повторяющая конечности человека. Они не казались фальшивыми. Они ощущались как его руки, его кисти, его ноги. Они были естественными.

- Знаешь, я могу обтянуть их кожей, - сказал первый голос где-то вдалеке. - Покрывать бионику

клонированной плотью было бы достижением искусства. В некотором смысле, это довольно заманчиво. Но сейчас не время для таких вещей.

Зефон опустил свои серебряные руки. В его грудь и бедра, через раструбы в броне, были введены химические капельницы, внутривенно наполняющие его организм жидкостями из стального резервуара, пристегнутого сбоку к хирургическому столу. Теперь, сидя, он чувствовал, что к нему возвращаются силы, а вместе с ними и ясность мысли. Но это было медленный процесс, неохотное возвращение.

Комната вокруг него была каким-то образом заражена, она разрушалась не ржавчиной и естественным разложением, а изуродована гнойниками. Под металлом проступали отвратительно вздувшиеся вены. Многие из них сочились чёрной жижей, которая не была похожа на масло и пахла больной кровью.

Он находился в медицинской камере. Та была далеко не пуста - в ней находились почти что одни мертвецы. Мужчины и женщины в потрёпанной войной форме безмолвно лежали на койках и операционных столах. Судя по тому, как они вздулись, большинство из них были мертвы уже несколько дней, но пыль тонкой пеленой покрывала их всех так, словно те пролежали здесь несколько месяцев.

Потолок и железные опорные балки были изъедены коррозией. Они выглядели разлагающимися, их разрушение было невозможно биологическим. Вдоль стен стояли стазисные капсулы, некоторые из них были открыты и пусты, в других дремали воины Астартес, чья жизнедеятельность была приостановлена. Несколько капсул, ещё сохранивших энергию, излучали слабый голубой свет на смешанную с кровью суспензию внутри.

Он почувствовал запах этого места. Запах нескольких сотен людей, оставленных умирать и медленно разлагаться, пока органические процессы разрушали их. Это заставило боль снова вспыхнуть в его затылке.

- Что здесь произошло? - спросил он.

- Не произошло, а ещё происходит, - огрызнулся первый голос. Ему что, сложно было ответить? - Можешь вознести благодарственные молитвы Омниссии за то, что я нашел тебя, пока не стало слишком поздно.

Он огляделся вокруг, пока его зрение продолжало проясняться. Несколько спасителей окружили его хирургический стол - некоторые из них были людьми, некоторые - сервиторами.

Последние стояли с отвисшими челюстями и тусклыми глазами. Потрёпанная группа в грязных комбинезонах, их головы покрывали шрамы и татуировки с тюремными кодами. На каждом были заметны следы бионического наказания: руки заменены металлическими когтями или громоздкими тяжелыми болтерами, мускульные кабели пропущены сквозь позвоночники, вместо глаз они смотрели поцарапанными красными линзами. У одной из них по подбородку стекала слюна, и она бормотала снова и снова бормотала по слогам одну и ту же бессмыслицу. Остальные стояли тихо, но не беззвучно: воздух с силой втягивался и вырывался из их тел благодаря грубым и простым кибернетическим имплантам.

Людей он узнал сразу. Шафия, преданная Шафия, в своём платке красного цвета легиона; Эристес в монашеской робе, окрашенной в тот же знакомый багровый цвет; и Шенкай, выглядевший таким же изможденным, как и его родители, его тёмные глаза прищурены и прикрыты надетым капюшоном.

- Мы очень рады видеть вас, господин, - сказал Эристес.

Они отнюдь не выглядели обрадованными, заметил Зефон. Они выглядели испуганными.

- Рад видеть вас троих.

Еще недавно это было бы ложью, сказанной из вежливости - или, что более вероятно, не сказанной вовсе. Когда его сослали на Терру в составе крестового воинства, присутствие его оружейных трэлов лишь напоминало ему, что он больше никогда не сможет сражаться. Он был капитаном-калекой, ангелом-инвалидом. Что толку от его арсенальных слуг?

Аугметические дары Лэнда изменили ситуацию. Сначала особые операции, позволившие ему сражаться в Паутине, затем более интенсивная аугментация, вернувшая ему превосходство.

Зефон оглядел своих слуг и сопровождающих их сервиторов. Двое сервиторов стояли по обе стороны от него: один управлял химическими батареями, подключёнными к разъёмам его доспехов, другой смотрел мёртвыми глазами на ручной ауспекс-сканер, неуклюже зажатый руке в перчатке. Не обращая внимания на сервиторов, он посмотрел на используемый бак с химикатами и на рунические метки на его металлическом боку.

Всё это - происходящий сейчас химический ритуал - связал осколки его потрёпанной памяти. Он видел это раньше. Он знал, что это значит.

- Зачем они это делают? - спросил он.

После этого вопроса наступила пауза. Его трэлы не ответили, но первый голос прозвучал обеспокоенно.

- Они восстанавливают тебя после стазиса космодесантников. Вливают в тебя химикаты, необходимые для очистки от токсинов, образовавшихся в результате приостановки жизнедеятельности. Это должно быть очевидно даже при твоей дезориентации".

- Вы меня неправильно поняли, - сказал Зефон. - Я знаю, что это за процесс. Но почему это делают они? Почему сервиторы, почему не легионные аптекарии?

- Потому что много аптекариев твоего легиона погибло. Вообще много кто погиб.

Что-то в тоне голоса пронеслось в его сознании, вызывая по пути новые воспоминания. Он представил лицо, лицо старика с гримасой презрения и отвращения.

Да. Последний туман рассеивался. Ему пришло на ум имя.

- Где ты, Аркхан? Не вижу тебя.

Сверху послышалось жужжание дешёвой, скрипящей антигравитационной системы. Дрожа, сервоочереп неуклюже опустился вниз. Он представлял собой полированную кость со вживлённым скоплением игл сенсоров в глазницах, его челюсть была заменена помятым вокс-динамиком.

- Основы памяти, похоже, не повреждены, - треща, отметил череп. На кончиках его сенсорных игл замигали красные огоньки. - Ты, по крайней мере, узнаёшь меня и, предположительно, этих трех рабов".

- Они не рабы, - сразу же ответил Зефон.

- Да, это так, и мы не собираемся спорить об этом. Ты помнишь своё имя?

Воин почувствовал легкий дискомфорт; ему действительно пришлось на мгновение задуматься. Он не замечал тревожных взглядов, которыми обменялись его трэлы.

- Зефон, - сказал он. - Доминион Кровавых Ангелов. Экзарх Высокого Воинства. Мои братья знают меня как Вестника Скорби".

Голос - Архан Лэнд - издал противный смешок.

- Драматизм космодесантников! Всем вам мало поджечь галактику, вы ещё и считаете себя героями, достойными таких титулов, которые всем остальным кажутся смешными".

Проснувшийся воин не был уязвлён подобным отношением старика. Почему-то это неуважение показалось ему знакомым и ничего не значащим.

- Хозяин?

Это была Шафия, самая главная из его слуг.

- Вы можете встать?

Зефон вздохнул, еще раз оглядел отравленный зал.

- Пока нет. Однако мои чувства вновь при мне. Честно говоря, то, что я вижу, удивляет меня. Что это за ужасное место?

- Позволь мне, - сказал Архан Лэнд своим трескучим тоном. Сервочереп несколько раз щёлкнул, и из его левого глаза хлынул поток голубого света. Потрёпанный гололит показал худого старика в рваных одеждах, зависшего в нескольких дюймах над окровавленной плиткой пола. Даже в виде низкокачественной голограммы Лэнд выглядел не просто измождённым, а ещё хуже. Его лицо исхудало, кожа покрыта грязью. Одна из его неуклюжих рук дрожала.

- Вы хорошо выглядите, мой друг, - мягко солгал Зефон.

- О, заткнись, - усмехнулся Лэнд. - Что касается твоего местонахождения, то ты в одном из медикэ-склепов бастиона Разави, в катакомбах под ним. Здесь тебя хранили тебя вместе с неизвестно сколькими другими мёртвыми, ранеными и застывшими в статисе. Мне сказали, что либо ты мёртв, либо твой мозг необратимо повреждён - что одно и то же в случае с вами, транслюдьми. Отчёты были противоречивы, и я решил проверить самостоятельно. Ты должен был храниться в Бхабе. Я потратил целую вечность, чтобы найти тебя.

Зефону не понравилось слово "храниться", но сейчас было не до диспутов. Он поднял руку, пытаясь прервать Лэнда и попросить его говорить медленнее, но марсианина было не остановить. Череп продолжал передавать голос Лэнда, на полсекунды отставая от движения голограммы.

- Подземные уровни уже покинуты, а поверхностные готовятся к эвакуации. Я собрал твоих слуг вместе и отправил команду вниз, чтобы найти тебя. Я бы сказал, вопреки здравому смыслу.

Всё, что говорил Лэнд, не имело смысла. Чтобы защитники эвакуировали бастион Разави, враг должен был...

- Аркхан, - обратился он к мерцающей голограмме, - Последняя стена и вправду пала?

Улыбка марсианина была не слишком приятной.

- Она пробита во многих местах. Орда Магстра войны продвигается через районы Внутреннего Дворца.

В наступившей тишине слышалось гудение доспехов Зефона.

- Господин, - мягко сказал Эристетс. Зефон видел, что он пытается не выказывать нетерпение. - Вы уже можете стоять?

Ему с трудом удалось встать на ноги. Сервоприводы в бёдрах и коленях двигались плавно, но силы не спешили возвращаться. Увидев, что его оружие висит на гравииобвязке за спиной Шенкая, он почувствовал почти глубокое облегчение.

Когда он поднялся, его пронзило чувство, похожее на голод, пробуждаясь вместе с восстановлением сознания и движения. Его язык огрубел. Это чувство было в его пересохших венах, как будто все механизмы его тела требовали смазки. То была жажда за пределами обезвоживания.

"Я бескровен." - подумал он. - "Я иссушен. Пустая оболочка. Разве они этого не видят?"

Но они не видели. Видимо, это нельзя было увидеть. Все три его трэлла приблизились к нему, осматривая его бионику, разглядывая повреждения доспехов, заделывая трещины мазками цемента для доспехов.

Зефон никогда не чувствовал жажду крови вне поля боя. Там она давила на него, была внутренним врагом, которому нужно было противостоять силой воли. Здесь же, в темноте, она кипела в горле и грозила задушить его. Биение сердец его трэллов было странно приятным, образуя гипнотический ритм жидкости.

- Повелитель, - произнёс кто-то.

- Интересно, - сказал кто-то другой. - Интересно.

Зефон дышал сквозь разделенные зубы, фокусируясь заново.

- Расскажи мне всё, что произошло, - обратился он к Аркхану Лэнду.

Голопризрак покачал головой.

- Я не собираюсь оглашать список того, что мы потеряли после твоего ранения. Война закончится раньше, чем я дойду до половины.

- Тогда кратко. Мне нужна информация, Аркхан.

Наступила пауза. На мгновение Зефон был уверен, что мелочность Лэнда возьмет верх. К счастью, он ошибся.

- Ты был ранен в Горгоновом рубеже. Твоя при-ан мембрана ввела тебя в стазис космодесантников, травматически среагировав на отказ органов, нарушение целостности черепа, потерю крови...

Зефона шатало, но чувствовал себя хорошо, по крайней мере относительно восстановления от ран, нанесённых... *яркий, ослепивший его огонь, дар, обжигающий одним своим звуком, нереальный грохот падающих камней...* ран, нанесённых взрывом.

- Я помню, - сказал он. - я помню Горгонов рубеж.

- Ну, после этого всё пошло крайне неудачно. Они заполонили Внутренний Дворец. Почти всё пало, кроме Палатинского кольца. Бастион Кидония, Меру, Шеол... все они пали. Последнее, что мы слышали

о бастионах Пифия и Авалон – то, что они почти разрушены. Бхаб и остальные всё ещё держатся, но все они осаждены ордой, их защитники окружены. Четвёртый^[2] примарх окружен в бастионе Бхаб, он в ловушке".

Четвёртый примарх. Зефон почувствовал небольшой и слабый прилив раздражения, не пересиливший голод в пересохших венах.

- Скажи его имя, – произнёс Кровавый Ангел. – Скажи "Рогал Дорн".

- Как я уже сказал, – продолжил Лэнд, не сбившись ни на секунду. – Четвёртый примарх. И пока мы говорим, бастионы, ещё не лежащие в руинах, захватываются или покидаются. Всё во Внутреннем Дворце разлагается. Или заражено. Или гниёт. Или мутирует. Или больно раком. Мы отступаем так быстро, как только можем, опережая эту гадость. Ты не знаешь, каково там, Зефон.

- Хозяин, – перебил Эрестес, даже не взглянув на голопризрак Лэнда. – Мы должны исследовать ваш двигательный диапазон.

Зефон кивнул в знак согласия, его внимание оставалось приковано к Лэнду, пока он по очереди напрягал и расслаблял свои мышцы, как биологические, так и бионические. Он поворачивал плечами и вытянул руки. В зловонной тьме затрещали суставы брони и захрустели сухожилия. Эрестес, его оценщик физической формы, внимательно следил за ним, высматривая болезненность, скованность и другие недостатки.

На серебристых кибернетических конечностях играл свет. Несмотря на повреждения – царапины и вмятины от камней, обрушившихся на них в Горгоновом рубеже, – они были сделаны очень изящно. Марсианин сам разработал их, чтобы заменить отказавшую бионику Кровавого Ангела.

В нему возвращались воспоминания – и хорошие, и плохие.

"Они прорвали основную линию. Почему вы здесь? Вы не ополченец." Когда начался обстрел, он столкнулся с гражданской. И он защитил её. Обхватил её, когда здание обрушилось на них, прикрыл её тело своим...

В Горгоновом рубеже была гражданская, – пробормотал он. Артиллерия... Я пытался спасти ее.

- Действительно? – Лэнд был далеко не очарован. – Какая захватывающая история.

- Её звали Церис Гонн. Одна из новых испрашивающих Преторианца. Вы не знаете, выжила ли она после взрыва?

- Не только не знаю, но и не стремлюсь узнать. Кстати, не за что. Ты был бы мёртв, если бы не обширные археологические нанотехнологии Тёмного века и искусная бионика, которые я использовал для восстановления твоего мозгового ствола и центральной нервной системы месяцы назад. Их способности к регенерации, конечно, невелики – и, хах, несколько нелегальны – но этого было достаточно, чтобы ты не умер от мучительного кровоизлияния в мозг.

Тёмный век...? Зефон колебался.

- И вы говорите об этом так буднично?

- Думаю, ты хотел сказать: "Спасибо, Архан, твоя легендарная щедрость снова окупилась".

Зефон вздохнул и пристально посмотрел на голопризрака.

- Я сказал именно то, что хотел сказать.

- Зефон, твоя мучительно душевная искренность как всегда скучна, и у меня нет ни времени, ни терпения разбираться с ней. Полагаю, теперь, когда я спас тебе жизнь, мой долг перед тобой исчерпан. Кроме того, - добавил он фыркнув, - в этом моём творении нет ни одного компонента, который был бы полностью безопасен и который бы я полностью понимал.

- Это утешает, - ответил Зефон. - В какой-то степени.

- Как я уже сказал - всегда пожалуйста. Теперь, будь добр, вставай и уходи оттуда.

- Кажется, всё в порядке, - сказал Эристес, продолжая ходить вокруг и наблюдать за процессом. Он смотрел, как сервиторы - под управлением Лэнда - извлекают химические батареи из гнезд брони Зефона.

Кровавый Ангел провел пальцами по своим длинным волосам, собрав их в узел за головой, чтобы они не спадали ему на глаза. Он делал это осторожно, помня о пульсирующей в задней части черепа боли. Его руки остались целы и невредимы. По крайней мере, это было уже кое-что.

Теперь он мог вспомнить всё: каждый час войны, каждую минуту боёв, отходов назад, снова боёв и снова отступлений... И на мгновение ему показалось, что в неведении было блаженство. Недостойная мысль для воина, не говоря уже об Ангеле Ваала, но всё же она была.

- Что с моим легионом? Где примарх?

- Мы не знаем, повелитель, - ответила Шафия отрицательно. - Об Ангеле Императора не было никаких достоверных известий.

- Горстка твоих собратьев по легиону ещё жива, - добавил Лэнд, - но что касается генетического мутанта, которого ты называешь отцом, боюсь, я понятия не имею.

Семья трэллов напряглась от такого неуважения, но Архан Лэнд, конечно же, полностью проигнорировал это.

- Двенадцатый примарх охотится на Девятого. Это всё, что мы знаем, и знаем мы это только потому, что земля дрожит, когда он выкрикивает имя Девятого в небеса. Твой возлюбленный отец, возможно, уже мёртв, Зефон, и если у Девятого есть хоть капля разума, он прячется от Двенадцатого. Лучше пока выбросить это из головы.

После этих слов, за которые некоторые члены IX легиона могли убить Лэнда, Зефон уставился в голографические глаза старика.

- Вы выглядите усталым, Аркхан.

- Ах, - вздохнул марсианин. - Ты даже не представляешь, насколько.

Зефон поднялся и взял ауспик из рук слуги, активируя его и медленно проводя им по своему телу. Это была простая модель для использования в бою, но она выполняла свою функцию медикэ-считывателя. Когда он провел им над головой, прибор сразу же подал предупреждающий сигнал. Мигающие руны подробно описывали закрытый перелом черепа, возможное повреждение черепных нервов и рубцевание

тканей мозга. Более точных данных не было, ауспик был слишком примитивен для нужного уровня точности. Взглянув на Эристеса, Зефон понял, что его помощник-трэлл уже провел такое же сканирование и получил те же результаты.

Ему повезло, это было очевидно. Подобные травмы точно бы убили человека, но его генетически улучшенное тело погрузилось в целительный сон, даруемый его улучшениями при самых тяжёлых ранениях. Его жизненные функции замедлились, а имплантированные органы получили время, необходимое для заживления, запечатывания и рубцевания самых серьёзных повреждений. Более чем вероятно, что аптекарий или медикэ трудились над ним, пока его жизнедеятельность была замедлена.

Ещё стоило учесть... имплантированные сокровища Лэнда. Компенсирующие операции, проведенные после той катастрофической экскурсии в Паутину.

Зефон вздрогнул. Он окинул взглядом ряды стазис-капсул, увидев сотню только в этой камере. Тридцать две из них были запечатаны и заняты.

- Здесь есть и другие легионеры в стазисе. Я не могу их оставить. Их убьют во сне.

Голопризрак посмотрел на него так, словно у него выросли рога и он заговорил на неведомых языках.

- Люди умирают на войне, Зефон. Жаль, что Астартес нужно напоминать об этом.

- Я не могу бросить своих братьев.

- Не можешь? Тогда ты умрешь вместе с ними здесь, внизу. Большинство из них уже мертвы. Они хранятся здесь для сбора геносемени, а не потому, что смогут скакать после хирургического восстановления.

- Я не слепой, Аркхан, я в состоянии читать с дисплеев стазис-гробов. Некоторые из них живы. После операции они выйдут из состояния приостановленной жизнедеятельности. Они будут жить.

- Ты понимаешь, что твой собственный легион бросил этих несчастных?

- Мои братья никогда бы так не поступили.

Лэнд рассмеялся над отрицанием.

- Война продолжается, Зефон. Каждый из твоих ещё дышащих родичей борется за свою жизнь в пыли. Думаешь, у верных легионов есть свободные воины, которые будут вслепую тащить носилки и каталки через километры ничейной земли? Я послал за тобой в темноту слуг и сервиторов не потому, что они бы справились с этим лучше всех. Я сделал это, потому что послать было больше некого. Все остальные где-то там, сражаются, умирают или уже мертвы.

Зефон стоял у одной из капсул и смотрел на погруженную в сон фигуру. Он не узнавал лицо воина, хотя капсула была помечена енохианскими рунами его Легиона, а тело было облачено в доспехи Кровавых Ангелов. Разложение, разъедающее стены, перекинулось на дремлющего Астартес, покрыв левую часть его тела чернотой, превращая его в сверхъестественную грязь.

- Зефон, хватит. Нет времени на твои сентиментальные причуды. Если ты можешь двигаться, тебе нужно убираться оттуда. Я потерял очень много сервиторов просто для того, чтобы добраться до тебя. Подземные уровни переполнены мутациями из другого измерения.

Почувствовав, что пора, Шенкай благоговейно повернулся спиной к своему господину. В ремнях гравииобвязки на его спине лежали орудия ремесла Зефона: его меч в ножнах, его болтер, его пистолеты... Любой из предметов был бы непосильной ношей для человека, но обвязка, которую носил Шенкай, уменьшала вес до приемлемого уровня.

Зефон не сразу потянулся за ними.

- Шафия? - спросил он мать Шенкаю. Она была его оруженосицей. Она носила гравииобвязку, и честь нести его оружие принадлежала ей.

Шафия слабо улыбнулась.

- Время пришло, повелитель. Возможно, даже прошло.

Теперь, после этих слов, Зефон не мог не заметить, что Эрестес и Шафия постарели. Он почти не обращал внимания на своих слуг с тех пор, как они пришли с ним на Терру годы тому назад, и их возраст был виден в уголках их глаз, в поредевших волосах и еще в дюжине других признаков, которые космодесантники инстинктивно не замечали. Их сыну Шенкаю было где-то двадцать пять? Возможно, даже тридцать. Под его красной одеждой виднелись мускулы от тяжелых тренировок. Очевидно, он был готов. Вероятно, Зефону следовало возвысить Шенкаю еще пять лет назад.

- Спасибо, Шенкай, - сказал он своему новому носителю оружия.

Он медленно вытащил свой клинок, оставив ножны прикрепленными к спине трэлла. Свободной рукой он потянулся к одному из своих пистолетов. Оружие было чистым, отремонтированным, в идеальном состоянии. Меньшего он и не ожидал.

- Всё это очень трогательно, - сказал Лэнд. - Но, пожалуйста, поторопитесь. Вы единственные живые существа там внизу, но не единственные движущиеся.

Их движение не походило на быстрый побег. Целиком бастион Разави был размером с город, и его большая часть находилась под землёй в виде сложных катакомб. Император отвоевал его у техноварварской королевы-воительницы во время Объединительных войн, и Империиум сделал то, что у него получалось лучше всего: уничтожил все следы предыдущих владельцев и использовал то, что могло принести пользу для его собственных целей. Подземные уровни крепости составляли десятки километров туннелей и залов. Зефон никогда не был так глубоко под поверхностью - по крайней мере, в сознании, - поэтому он следовал за парящим сервочерепом Лэнда. Сервиторы не двинулись за ним, даже когда Зефон позвал их.

- Пусть они умрут внизу, - сказал Лэнд, и проекция его образа дрогнула, искажённая расстоянием и очередным всплеском помех. - Теперь они бесполезны. Следуйте за мной.

И вот Зефон повёл своих слуг сквозь дрожащую темноту. Эрестес, не обученный владению оружием, шел с напускным спокойствием, делая вид, что не слышит разговора своего хозяина. Шенкай был поглощен своей ношей и, казалось, не интересовался речами Лэнда. Только Шафия слушала в открытую; она неприязненно покачала головой в ответ на фразу марсианина. Очевидно, она была невысокого мнения об Архане Ланде.

- Где вы находитесь? - в какой-то момент спросил Зефон у проекции.

- Далеко над вами, готовлюсь покинуть бастион Разави, - ответил Архан, явно отвлекаясь на разговор. - С одним из конвоев, направляющихся в Санктум Империалис, вместе со всеми, кто ещё сохранил толику здравомыслия. Но ты ведь не об этом хотел спросить, не так ли? Что ты хочешь услышать на самом деле?

Он не хотел этого говорить. Даже спрашивать казалось предательством.

- Мы проигрываем войну?

Архан Лэнд рассмеялся так сильно, что его гололитическое изображение замерцало искажениями.

Прошло совсем немного времени, прежде чем Зефон наткнулся на первого из своих погибших сородичей, скорее кузена, чем брата. Имперский Кулак привалился к стене коридора, его потрескавшиеся доспехи заросли пульсирующим мхом.

- Не трогай это, - раздался впереди голос Лэнда.

- Он, - пробормотал Зефон. - Не "это". Прояви уважение. Этот воин отдал свою жизнь за Империум.

Он наблюдал за мясистым мхом, за его неровной пульсацией. Пока он смотрел, корка, образовавшаяся на лице мертвого космодесантника, набухла и медленно лопнула, породив поток неуклюжих слепых пауков. Эти твари были цвета человеческой плоти. Безглазые, они дрались друг с другом, пожирали друг друга с тупой ненавистью, истекая человеческой кровью.

Зефон шагнул ближе. Почувствовав его движение, несколько пауков бросились на него, в диком вызове раздвинув челюсти и передние лапы, шипя и выбрасывая свои бесцветные внутренности. Зефон уклонился от брызг кишечной кислоты и, не оглядываясь, пошёл прочь.

Сервочереп, проецирующий изображение Аркхана, летел впереди, часто останавливаясь, чтобы просканировать коридоры и комнаты заброшенного бастиона. Здесь произошла битва, и становилось всё более ясно, какая из сторон одержала победу. Повсюду лежали непогребённые мертвецы. Большинство из них были одеты в форму Имперской Армии, но не все. Многие были безоружны, в лохмотьях и одеждах. Паломники. Гражданские. Беженцы.

Семьи.

Завернув за угол, Кровавый Ангел посмотрел на длинный коридор, устланный ковром из павших. На их плоти виднелись резаные раны, *раны от лезвий цепных клинков*, возвещая о предсмертных мгновениях, в которые они были разорваны на части. Некоторые из тел погрузились в сталь, каким-то образом вгнив в стены и пол. Избежать их было невозможно.

- Поторопись, - сказал голопризрак, проплывая в нескольких сантиметрах над мертвецами.

Зефон перешагивал через них, тяжесть его доспехов расплющивала мертвецов под его ногами, как бы он ни старался быть осторожным. Он слышал, как позади него с трудом идут его трэллы - для них это была почти кромешная тьма. Люди полагались на ручные факелы - но он был кем угодно, только не человеком. Он ясно видел, куда и на кого наступает.

- Аркхан, здесь дети.

- Конечно, они тут есть, - сказал Лэнд, двигаясь вперед. - Подуровни Бастиона Разави служили одним из последних за пределами Санктум Империалис укрытием для беженцев.

- Как враги спустились сюда?
- Они просто появились здесь. Можно сказать, проявились.
- Я не понимаю, - признался Зефон.

Сервочереп повернулся по медленной дуге, и появившийся призрак окинул его безжалостным взглядом.

- Как и мы, - сказал Лэнд. - Никто толком не знает, что произошло после падения Последней стены. Все пошло наперекосяк, Зефон. Сотни миллионов погибли. Мы все в неведении. Они бомбардировали нас с орбиты. Они сравнивали плато с землей. Большая часть Внутреннего Дворца превратилась в пустыню из обломков. Связь между бастионами была ненадежной целые недели и не работает вот уже несколько дней.

Зефон продолжал двигаться. Он оглянулся на остальных. Те не отставали от него.

Лэнд продолжал говорить на ходу.

- Экзопланарные ксеносы проявляются по всей пустоши и внутри последних бастионов. Воля Омниссии больше не сдерживает их. Мы видели их в бастионе Кидония... в конце, перед тем, как мы бежали оттуда, чтобы добраться до Разави. Они возникли из мертвецов. Они вырвались из живых. Вскоре это произошло и здесь, внизу. Это происходит повсюду. Кровь Бога-Машины, кора планеты нестабильна, а атмосфера задыхается от пыли. Этот мир умирает. В своем стремлении завладеть Террой Гор убивает её.

На это нечего было ответить. Опираясь одной рукой на стену для равновесия, Зефон пошел дальше, стараясь не наступать на павших. Многие тела находились в процессе какого-то невозможного, трупного слияния, срастаясь там, где соприкасалась их мертвая плоть. Он видел тела, сросшиеся со стенами; скрюченные пальцы, тянущиеся из металла, полустертые лица, беззвучно кричащие из стали.

Одно из них попросило его о помощи.

Он повернулся и увидел скопление раковых опухолей в форме женщины, приклеенное к стене собственным разложением. Оно потянулось к нему с неуверенной чуткостью, словно проверяя, настоящий ли он.

- Пожалуйста, помоги мне, - повторило оно.
- Не обращай внимания, - сказал Лэнд. - Игнорируй их. Они думают, что они всё ещё люди.
- Не оставляйте меня здесь, - сказала тварь. Расколота голова продолжала открываться там, где у неё когда-то был рот, обнажая сотню ужасных зубов.
- Кто ты? - спросил он, стараясь не выказывать своего беспокойства.
- Дженна, - ответило существо, его голос напоминал бульканье каши. - Дженна Вирнэ. Пожалуйста, помоги мне. Помоги моей семье. Не оставляй нас здесь.

Оно замолчало, подвешенное на стене, истекая кровью, разлагаясь. Зефон не видел в этом живом уродстве ничего человеческого. Он боялся, что, сказав это, причинит ему ещё больше боли.

- Я не могу помочь тебе... Дженна.

Хотя нет, мог. Он почувствовал тяжесть пистолета в своих руках.

Оно - она - внезапно рассмеялась, звук был густым и влажным.

- Они прорвали основную линию.

- Продолжай двигаться, - огрызнулся Лэнд. - Не дай ему проникнуть в твой разум.

Эта тварь, женщина, начала течь, её тело превратилось в грязь, которая испарялась, стекая по стене.

- Они прорвали основную линию, - сказала она сквозь шатающиеся зубы в тающем рту. **- Сын Сангвиния, мы видим и слышим сквозь железо и камень, пепел и пыль... Мы знаем, мы знаем, мы знаем...**

Зефон нажал на курок. Останки Дженны Вирнэ украсили стену шипящим узором, не имеющим ничего общего с кровью. Кровь не растворяла металл. Кровь не текла подобно смоле.

- Кажется, теперь я лучше понимаю, что угрожает Терре, - сказал он голопризраку Архана.

- Нам не следует медлить, хозяин, - обратилась к нему Шафия.

- Да, конечно, - сказал Лэнд. - Послушай трэллов. Продолжай двигаться.

И на этот раз Зефон так и сделал.

Восемь. Тысяча огоньков.

Рюкат

Человечеству всегда удавалось найти поэтический оборот речи для прогнозируемого конца света. Писатели любят говорить о всеобщем распаде, когда центр не может удержать части целого, противопоставляя подъём океанов падению империй. Философы утверждают, что конец наступит не с грохотом, а с плачем. А что насчёт смерти? Они обещают, что бояться нечего. Смерть - это просто ещё один путь.

Так всегда рассуждают мужчины и женщины, далёкие от опыта того, каким на самом деле будет конец всего сущего. Когда не можешь постичь истину, легко скатиться к сангвинической философии. Да, центр не может удержать части, но распад означает геноцид триллионов. Да, смерть - это ещё один путь, но этот путь ведёт к тому, что душа каждого мужчины, женщины и ребенка попадёт прямо в открытые рты безумных богов.

Если бы древние мудрецы увидели всё это своими глазами, возможно, их изречения были бы не столь безмятежны.

Но у монеты есть две стороны. С безмятежностью незнания соседствует призрак надежды. Люди будут сопротивляться до конца, даже вопреки свидетельствам своих глаз и выводам своего разума. Логика здесь не играет никакой роли, здесь правит балом надежда, а инстинкты выживания заложены в мозг каждого живого существа. Подобные им эмоции сжигают холодные и прямые доводы.

Так было и сейчас, в последние дни войны. Не имело значения, что война закончилась. Неважно, что Терра горела день и ночь под погребальным саваном из пыли. Защитники продолжали сражаться.

Идея линии фронта в войне за Терру была фикцией; уже сомнительная, когда в Последней стене появилась первая брешь, эта концепция стала всего лишь мифом, когда Джагатай-хан атаковал космопорт Львиных врат. Рогал Дорн наметил и спланировал во Внутреннем Дворце целую страну из запасных точек обороны, баррикад, опорных пунктов, складов оружия... и защитники заняли их, затем сражались за них, истощили их и оставили их в непрерывной цепочке. Те, что не были покинуты, были разбомблены с орбиты – стёрты неприцельными бомбардировками капитанов кораблей, не способных сдерживать себя, – или же разгромлены ордой Магистра войны. Уцелевшие бастионы были осаждены, а их защитники сражались, продавая свои жизни, чтобы задержать продвижение орды.

Это была уже не одна война. Каждое проводимое Гором вторжение превосходило слово "война", но никогда это не было так очевидно, как сейчас, когда оборона была прорвана. Сражения росли и делились на части, и бесчисленные отдельные войны бушевали по всему лицу Терры. Сплочённость уступила место изоляции, оставшиеся силы Императора были окружены в своих последних крепостях и окопах, отрезанные друг от друга.

Тысяча огоньков по всей Евразии гасли одна за другой.

Там, в бесконечном пепле, лежал воин по имени Рюкат – хотя даже этот первый факт о нём был, в некотором роде, ложью. "Рюкат" было его имперским именем, которое он носил, словно неудобный плащ, ради других. Его фенрисиийские братья, поклявшиеся и связанные кровью как встарь, называли его по имени, данному по его деяниям. Они звали его Врагов Не Осталось.

Он был как охотником, так и воином, и гордился различием между этими понятиями. Для имперских писцов он был просто ещё одним космическим десантником в беспорядочном легионе Космических Волков. Их взгляды не могли проникнуть за мешанину отметок рот и отделений, непроницаемую для сторонних наблюдателей. Они не знали ни его места в отряде "Крик тоскующего дракона", ни его роли в стае под названием "Вой Родного мира".

На шее у него висел гладкий кожаный шнурок с талисманом из фенрисиийского янтаря, подаренным ему целую жизнь назад его верховным вождем, Леманом из племени Руссов. Получение этого талисмана было самым гордым моментом в его жизни. Он будет носить его до самой смерти.

Рюкат стоял на укреплениях бастиона Арджуна, дворцового небошпиля, связанного километровыми арками с бастионом Меру. Когда Меру был захвачен, Арджуна уже несколько часов стоял в одиночестве, обороняемый всё уменьшающимся числом защитников. Хоть они и сражались превосходно, но они не были богами, чтобы переписать ход судьбы. Враг взобрался на стены, перебрался по мостам и обрушил стены непрерывной канонадой. Это стало концом Арджуны.

Десантно-штурмовые корабли не могли надёжно лететь в пыли. Пепел в воздухе критически истирал крылья с обеих сторон, взрывал стёкла кабин в морозе, прогрызал внутренние механизмы и заставлял "Громовые ястребы" задыхаться, глохнуть, и умирать от удушья. Реактивные двигатели штурмовиков раскалялись добела, плавя пепел в стекло, от которого лопасти турбин тупились, а двигатели глохли. Не было ни одного чистого участка воздуха, где можно было бы зависнуть и восстановиться, независимо от того, насколько корабль поднимался или опускался, и за несколько дней ни один из них не смог благополучно достичь орбиты. Пилоты не могли видеть; они летели вслепую с мёртвыми приборами через утыканный зданиями размером с горные хребты горящий город масштабом с целую страну. Они боролись с управлением машин, двигатели которых не могли дышать. Но это не остановило ни одну из сторон. Одних заставляло отчаяние, других воодушевляла надежда, и жажда крови всегда была мотивирующим фактором для многих.

Рюкат, окруженный своими мёртвыми братьями, был близок к одному из последних оставшихся на стене кораблей. Он не был дураком, и его никогда нельзя было заподозрить в оптимизме. Он знал, что погиб. В его ушах, над рёвом пламени и грохотом тысячи болтеров, сквозь скрежет вокса пробивался голос, призывавший его бежать. Но он не побежал – как уже говорилось, он не был дураком. Он предпочел бы умереть с клинком в руке, чем среди искореженных металлических останков разбившегося челнока.

Он оплакивал убитых. Он не терял достоинства; как и во многих других традициях родного мира легиона, фенриси́йская культура не видела ничего постыдного в скорби. У его ног лежали братья, рядом с которыми он сражался на протяжении двух человеческих жизней. Он любил их больше самой жизни. Конечно, он плакал. Машина не могла плакать. Трус не стал бы плакать.

Здесь был Каргир, которого звали Тринадцать Падающих Звезд, родившийся под метеоритным дождем – величайшим предзнаменованием у северных племён, а теперь павший от клинковых ранений в оба сердца. Был Ваэгр, за сходство с предками названный Эхом Трёх Героев, родившийся в бесконечную фенриси́йскую зиму и убитый болтом в голову. Был Ордун, названный Родичем Ночи, рождённый для охоты во тьме и погибший в войне, которую не следовало вести. Они были последними; остальные из его стаи погибли несколько недель назад. На Терре почти не осталось Волков, а из тех немногих дышало ещё меньше.

Умоляющий голос не умолкал, пока он не разорвал свою связь с воксом. Рюкат остался на месте, пока мимо него в пыли проносились фигуры. Люди. В масках, бегущие, хромающие. Защитники, спасающиеся бегством. Почему? Куда бежать? Что особенного в том, чтобы умереть там, а не здесь?

Он присел и положил руку на разорванный нагрудник своего офицера и брата, Тринадцать Падающих Звёзд. Грязные бронированные кончики пальцев дотронулись до разбитого Импералиса его брата. Он улыбнулся сквозь горькие слезы, потому что случайный символизм момента был настолько прямым и точным, что он не мог не усмехнуться.

Затем враги, преследовавшие убегающих защитников, пришли за ним. Он поднялся, держа в руках не только свой цепной меч, но и включённый силовой клинок павшего вождя. Один меч разъяренно взревел, другой сверкнул убийственной молнией.

В сагах его родного мира – и легиона, выросшего на столь ледяной почве – у героев всегда были достойные последние слова. Они доблестно бравировали и бросали величественные последние вызовы на поединок, заставляя врагов внимать им с неохотным уважением. Но Рюкат никогда не любил саги, а эти враги – эти реву́щие Пожиратели Миров и пою́щие Тысяча Сынов – слишком упивались молоком своих чёрных богов, чтобы уважать своих врагов. Да и сами они не заслуживали уважения.

Он встретил их лицом к лицу и сразился с ними. Эта часть, по крайней мере, совпадала с сагами Фенриса. Но не было радости в его убийствах на этом рассвете. От любого воина ожидалось, что тот будет убивать своих врагов. В эти последние мгновения для него было важно не то, кого он убивает, а то, где он находится, готовый к смерти. Он умирал вместе со своими братьями. Часть своей стаи до самого конца.

Это было правильно. Так и должно быть.

Его братья восхищались тем, что он всегда сражался до тех пор, пока не оставалось врагов. И Врагов Не Осталось, названный так за свою стойкую неутомимость, наконец, не оправдал своё имя. В этом не было ничего постыдного. Как может быть стыдно за поражение, когда не было никакой надежды на победу?

Когда настал тот самый момент, Рюкат не мог перестать ухмыляться. Он ухмылялся, стоя по щиколотку в мертвецах, когда сталь клинков его врагов встретилась внутри него. Он ухмылялся даже тогда, когда падал, и жизнь вытекала из него потоком гордой фенрисиийской крови.

Воин, убивший его, один из Тысячи Сынов, взял силовой меч из его умирающих пальцев. Меньше чем через минуту этот воин был убит случайным потоком огня лазпушек, а клинок, некогда ценный воинами Воя Родного мира, испарился, навсегда забытый.

Таковы были причуды войны.

К тому моменту, когда Рюкат, захлёбываясь кровью, усмехнулся в последний раз, челнок Имперских Кулаков, стоявший дальше на укреплении, уже взлетел. Остаться на стене означало умереть, и пилот решил рискнуть в небе. С протяжным ревом "Громовой ястреб" вдохнул пепел своим механическим чревом и оставил землю позади.

Он рванул в небо, уже на пределе сил, уже обречённый. Когда его двигатели задохнулись от плавящегося стекла, пилот спикировал, нагнетая через воздухозаборники охлаждающий воздух, надеясь отвердеть расплав и очистить от осколков засорившиеся турбины. Его звали Эктар, уроженец Терры, Имперский Кулак. Никто не видел, что он сделал, но манёвр был великолепен. Солдат, находившихся на борту, бросило на внутренние стенки корпуса и на ремни своих полётных тронов, многие из них думали, что попали под зенитный огонь, не понимая, что мастерство их пилота дало им еще несколько секунд жизни.

Но в конце пикирования не было чистого воздуха. На всей Терре больше не было чистого воздуха. Кувыркающийся корабль прочистил горло только чтобы вновь наполнить его пеплом и пылью. Он вновь захлебнулся грязью через несколько секунд после того, как избавился от её.

В акте абсолютного отчаяния "Громовой ястреб" запустил свои орбитальные ускорители и на форсаже прорвался сквозь ослепляющую пыль. В течение трёх секунд он набирал высоту ценой стирающегося корпуса и умирающих двигателей, пожирая себя в полёте.

Он столкнулся с одним из вычурных переходов между бастионами Меру и Арджуна, который его пилот даже при всём желании не смог бы заметить. Большую часть левой половины корабля оторвало, обломки, вращаясь, попали в двигатели, визжавшие до тех пор, пока пыль не задушила их полностью. То, что осталось от корпуса, вылетело на ничейную землю, обломки и шрапнель разлетелись во все стороны, рассекая неплотный полк пехоты в цветах Гора, преследующий колонну отступающей Имперской Армии.

Бастион Арджуна пал менее чем через час, и ещё один огонек угас.

Девять. Последняя шутка.

Трансакта-7У1

Снова вниз, сквозь пыль. Мимо остовов Имперских Рыцарей, всё ещё стоящих прямо, пока пламя пожирало их кости. Над десятками тысяч тел, устилающих землю. Вверх и вверх по боевым укреплениям бастиона Пифия, стены которого были расколоты и захвачены, а знамёна теперь развевались на ветру

под цветами Гора.

За павшей Пифией, ещё дальше, ещё глубже в пыль. Здесь не было величественной архитектуры Палатинских бастаионов. Здесь бои шли на заваленном обломками пустыре, который когда-то был рядом улиц вокруг Принципа Коллегия, где послы из покоренных миров изучали устоит Империи Терры. То была академия с огромными библиотеками и архивами данных, в ней обитали шесть тысяч душ, прибывших с других миров, и две тысячи наставников, тщательно отобранных для наблюдения за их перевоспитанием. А теперь это были пустые руины.

Трансакта-7Y1 не могла моргнуть, потому что даже кратковременное закрытие глаз означало потенциальную потерю данных. Возможность этого была недопустима для её хозяев и хозяек, приспособивших её - и большинство ей подобных - для работы без век. Она смотрела на умирающий мир вокруг себя сквозь потрескавшийся пластик своего моновизора. Линза всё время щёлкала и вращалась, пытаясь сфокусироваться, пытаясь увидеть что-нибудь в ослепшем мире.

Она была марсианкой по рождению и марсианкой по воспитанию. Её колыбель грел жар благословенных кузниц, и она была подготовлена к смертельной святости оружия, которое носила. Она была скитарием.

Трансакта-7Y1 шла по мраморным руинам, выполняя последний полученный ею приказ. *Защищать Принципа*. Слова всё ещё мелькали готическим шрифтом в глубине её глаз. *Защищать Принципа*. *Защищать Принципа*.

В самом начале, месяцы назад, ещё до того, как война поглотила всё разумное, её приказы отдавались вознаграждающими адреналином голосами её повелителей. С течением времени и с ухудшением связи приказы доходили до макроклад скитариев при помощи священных шифров, затем через стандартный бинарный кант, затем через простые оперативные коды, и - в самую последнюю очередь - посредством обычного текста.

Она не слышала священной речи своих владык три недели, пять дней, девять часов, тридцать одну минуту и девять секунд. Десять. Одиннадцать. Двенадцать.

На краю поля зрения мелькала надпись "*Защищать Принципа*", и она знала, что приказ был верным (когда он начал мигать шесть дней назад, сопровождающие его знаки верности были корректны), но она уже не знала, оставался ли приказ в силе. В конце концов, Принципа Коллегия превратилась в руины. Здесь было мало того, за что стоило сражаться, и лишь немногие из её сородичей по кладе были еще достаточно боеспособны, чтобы защищать это место. Других приказов за это время не были получены ни Трансактой-7Y1, ни кем-либо из её братьев и сестёр, носящих священный красный цвет.

Это вызывало чувство тревоги. Ей не нравилось рассматривать возможность того, что её хозяева и хозяйки были мертвы. Лишь немногим менее неприятным было предположение, что они отдали приказ, до сих пор не исправленный и не обновлённый.

Если только, рассуждала она, её повелители не знали о таком исходе, когда отдавали приказ, обдумывая неизбежное. В таком случае, она была назначена сюда для смерти в бою, потратив валюту в виде своей жизни на то, чтобы замедлить врага. И в этом случае никаких дальнейших приказов не последовало бы.

Это был самый вероятный вариант. Он не был идеальным, не был ясным, и мысль об исполнении потенциально неверного приказа причиняла ей гораздо больше неудобств, чем мысль о смерти во исполнение правильного приказа. Но, оперевшись на похожие случаи, она рассудила, что, если бы её и её сородичей послали сюда продать свои жизни, это было бы указано в первоначальном приказе.

Неважно. Она сделала всё, что могла, и верила, что не отклонилась от своего места в плане Омниссии.

- Тэшка, - сказал Энварик слева от нее.

Трансакта-7Y1 повернулась к нему. Он умирал, и она продолжала испытывать дрожь эмоций по этому поводу. Его убивал не враг, его убивало её оружие. От близости к ее священному арсеналу его кожа почернела, и он кашлял кровью.

Он знал об этом. Она поведала ему об этом, когда они только объединились, объяснив, как могла, что святая аура её оружия была одновременно невидимой и смертельной для неподготовленных людей.

- Ты говоришь про радиацию? - спросил тогда Энварик. Трансакта-7Y1 кивнула, потому что таковым было обыденное название божественной ауры, излучаемой её оружием. Энварик взглянул на карабин с латунным корпусом и светящимися внутренностями в её руках и пожал плечами.

- Я получу болт в голову раньше, чем радиация доберётся до меня. Все равно никто из нас не выберется из Принципа живым. Как тебя зовут? Они вообще дают вам имена?

Она указала на серийный код, выгравированный на нагруднике.

Энварик скорчил гримасу, которую она не смогла расшифровать. Он сказал:

- Это не имя.

Но это было имя. Это было её имя. Она снова указала на него, на этот раз постучав по нему пальцем.

- Отлично, Трансакта-Семь-Игрек-Один. Я сержант Сайлас Энварик из Двенадцатого полка Геликанских стрелков. Похоже, мы умрём вместе.

С тех пор они пережили два дня, сражаясь в руинах Принципа. Теперь Энварик заметно ослабел.

- Тэшка, - повторил он, и это слово едва можно было понять из-за приступа кашля, настолько сильного, что ему пришлось снять маску и сплюнуть кровь на землю.

Трансакта-7Y1 не могла говорить. Она даже не могла вспомнить времена, когда была способна издавать звуки ртом. Её повелители удалили эту способность при переделке. Она могла лишь издавать импульсы кода из вокодера в горле. Сейчас это было бесполезно, потому что Энварик был неаугментированным человеком, неспособным обрабатывать марсианские кодовые вспышки, поэтому она полагалась на свою наручную инфоплиту. Она отображала серию пиктограмм, которые примерно соответствовали тому, что она пыталась передать.

Когда она впервые предупредила его о смертоносности своего оружия, она сделала это, введя несколько сигиллов, изображающих её саму, винтовку, руну биологической опасности, осторожность, болезнь и пиктограмму, изображающую мёртвого человека. Но сейчас ей не нужны были эти сомнительные нюансы. На крошечном экране инфоплиты мигал всего один символ.

[?]

Энварику было трудно дышать. Он сидел, прислонившись спиной к низкой разрушенной стене, за которой они сидели последние пятнадцать минут. Переведя дыхание, он посмотрел через очки на инфоплиту, затем на непроницаемый визор её шлема - ближайший имеющийся у неё аналог лица.

- Есть какие-нибудь признаки остальных?

Трансакта осмотрелась поверх их баррикады, сканируя местность за низкой каменной стеной. Она прекратила бдение, неуклюже набирая код на своей инфоплите толстыми бионическими пальцами. Та пискнула единственным сигилом.

[одиночество]

Энварик кивнул, и Трансакта-7Y1 прочла (как ей показалось) разочарование на его лице (той части, что она могла видеть). Между ребризером, очками и пятнами грязи его лица было не так уж много.

- Ну, - сказал он, тяжело вздохнув, - Тэшка, мы с тобой прорвёмся. Всё равно остальные нас только задерживали.

Она знала, что он пытается быть смешным. Он продолжал делать это, пытался шутить. Возможно, ему даже было смешно, но Трансакта-7Y1 была совершенно неспособна на подобное. Она чувствовала слабое, но истинное чувство единства и благодарности за то, что он решил остаться. Он не принадлежал к её кладе, и она не испытывала ничего похожего на человеческие понятия об одиночестве или страхе, но его присутствие, что было любопытно, приносило комфорт. Даже если оно было временным. Даже если оно убивало его.

Энварик на мгновение прикрыл глаза, прислонившись затылком к стене. Земля сотрясалась от подземных толчков очередного катаклизма, развернувшегося неподалёку от их укрытия, но он не отреагировал. После каждого усилия ему требовалось всё больше времени на отдых.

Где-то в руинах прогремел взрыв. После раздался треск радиевого огня из засады и ответные выстрелы из болтеров. По-видимому, они были не совсем одни.

- Неплохо, неплохо, - пробурчал Энварик с явно фальшивым энтузиазмом. - Давай, пошли.

Они снова двинулись вперед, не высовываясь. Приближаясь к тому, что когда-то было внешней изогнутой стеной аудиториума, возникшей над ними в пыли, они обнаружили тела трех гелианцев. Те были совсем недавно разорваны болтами. Они прошли мимо, едва взглянув на трупы.

У разбитой арки, ведущей в аудиториум, они остановились, прижавшись спинами к стене. Изнутри доносилось завывание и скрежет силовых доспехов.

Из них только Трансакта-7Y1 могла попытаться увидеть врага. Она подняла свой радиевый карабин и медленно спустилась по ступеням, смотря сквозь пыль, ища...

Вот они. Силуэты в пепле, слишком высокие для людей и слишком неизящные, чтобы происходить с Марса. Воины крались через руины без видимого направления, как сбившиеся с тропы муравьи. Трансакта-7Y1, никогда не видевшая муравьев, отметила сходство космодесантников перед ней с рабскими единицами низкого уровня, чья связь с высшим разумом была прервана. Она вернулась в укрытие.

- Сколько их? - спросил её Энварик.

Она ввела символ и передала ему инфоплиту. На его узком экране высветился символ *[множество]*.

Энварик с гримасой боли бросил прибор обратно. Внутри пластексового ребризера его дёсны кровоточили.

- Ты срёшь мне в уши, - сказал он.

Его причудливые аксиомы были знакомы ей, и она знала, что он говорит не о биологических выделениях. Трансакта-7У1 издала тихую отрицательную вспышку кода. Она, как он выразился, не срала ему в уши.

- Обоссака, - выругался он. Это было новое слово, которое она не могла понять из контекста. Возможно, он говорил об инфекции мочевыводящих путей. - Когда же нам улыбнется удача, а?

На это у нее не было ответа. Концепция удачи противоречила божественному плану Омниссии и поэтому была ложью. Она почувствовала слабое веселье от того, что её соратник верит в подобные вещи, но, в конце концов, его мозг был полностью плотским и не содержал механических аугментаций.

Трансакта-7У1 сжала кулак - символ, о котором они договорились в начале своего совместного пути. Они оба напряглись, готовясь к движению. На их стороне был фактор неожиданности. Больше преимуществ не было, и они старались использовать всё имеющееся.

Но Энварик хотел сказать еще кое-что.

- Тэшка. Скажешь мне кое-что, пока мы не умерли?

Она повернулась к нему, глядя на его распадающееся тело через свой моновизор. Она ничего не сказала, но он привлёк её внимание. В его глазах читалось то, что она распознала как веселье. Оно и было им. Последняя шутка.

- Ты красотка под всем этим?

Ей потребовалось мгновение, чтобы обработать эту фразу. Её никогда не спрашивали о подобном.

Под броней она была облучённым пехотинцем Бога-Машины. Её кожа, тёмно-коричневая от рождения и ничем не отличающаяся от кожи Энварика, посерела от голода и солнца. Её ритуально лишили конечностей, заменив их руками и ногами недорогой кибернетической чистоты. К её чести, она достигла такого состояния изящества в своей мехаморфозе, что теперь доля святого железа в её теле превосходила остатки несовершенной плоти, полученной от рождения.

Под шлемом она была испещрена криоконтролируемыми радиационными опухолями. У неё не было ни век, ни волос, ни зубов, ни носа - а то, что не было удалено хирургическим путём, сгнило за годы священного служения.

Короче говоря, она была скитарием.

Трансакта-7У1 ввела символ и снова бросила ему инфоплиту. Он поймал её слабеющими пальцами и прочитал символ на экране.

[утвердительно]

Он улыбнулся сквозь кровь.

- Да, так я и думал.

Хотя никто из них не знал этого наверняка, но они были последними из их объединённых взводов. Их атака несколько мгновений спустя, в которой они убили двух Детей Императора из засады, стала последним актом сопротивления в обороне Принципа Коллегия.

Трансакта-7У1 упала первой, её радиевый карабин был выбит из рук, прежде чем удар силовой булавы

отделил металлические ноги от тела. Они оставили её умирать в верхних рядах. Энварики продержался ещё немного, отчаянно пытаясь отомстить за Тэшку. Конечно, ему это не удалось - он был одним умирающим человеком против семи транслюдей - и, к сожалению, он был ещё жив, когда те нанизали его на древко штандарта, а затем наблюдали, как тот дёргается и задыхается в собственной крови.

К счастью для Энварики, он уже был мёртв, когда космодесантники установили древко над открытым огнём и зажарили его. Эти благородные сыновья III легиона, некогда пользовавшиеся благосклонностью Императора, позавтракали пропитанным радиацией мясом Энварики.

Так пала Принципа Коллегия. Ещё один огонёк угас.

Десять. Последний страж.

Вулкан

Примарх провел рукой по серебряной отделке, обводя линии. Они изображали военачальника-человека, стоящего на коленях с оружием в руках. То была сцена великого милосердия, а сам Император - запечатлённый здесь в личине техновождя, которую он носил во время Объединительных войн, - милосердно принимал капитуляцию со склонённой головой.

Вулкан дорожил этими сценами из жизни своего отца. Они показывали Императора во времена до того, как появился первый из примархов; до того, как были осуществлены самые грандиозные шаги великого плана. Времена до Имперских Истин. Времена до Империиума.

- Было ли тебе одиноко, отец? Не поэтому ли ты создал нас?

Вулкан отступил от изображения. Большой проём был украшен подобными барельефами, простиравшимися от каменного пола до сводчатого потолка зала. Сейчас его называли Серебряной дверью, но раньше здесь были первоначальные Врата Вечности, памятник древним триумфам, барьер, отделявший Тронный Зал Императора от остальной части Его лаборатории-лабиринта. В открытые врата мог пройти титан, хотя они сильно уступали в размерах великим вратам на поверхности, затмившим своего подземного предшественника и укравшим его имя. Тем не менее, у этой реликвии было своё захватывающее очарование.

С момента прихода в Тронный Зал отца Вулкан много размышлял о том, сколько мастеров трудилось над этим шедевром и сколько времени заняла их работа. Как и многие другие работы Императора, она была заказана и выполнена в тайне. Требовали ли художники и инженеры платы за свой гений и пролитый пот? Конечно, находились и такие. Были ли они, по понятным причинам, меркантильными в своих низменных интересах? Да, кто-то был. Или большинству было достаточно того, что они удостоились чести внести свой вклад, трудясь с разрешения Повелителя Человечества в преддверии Его Тронного Зала?

Какой бы ни была истина, трагедия заключалась в том, что эту работу дано было увидеть лишь немногим. Новые Врата Вечности, наследник этого имени, стоявшие закрытыми далеко над этими залами, были самым укреплённым и защищённым проходом в Империиуме. Забытую дверь здесь, внизу, укрывало лишь мастерство.

Неподалёку слышались шаги. Чувства Вулкана далеко превосходили чувства смертных. Даже сквозь скрежет механизмов лаборатории Императора вокруг он мог слышать скрип сухожилий другого человека, шорох одеяний, стук знакомого чёрного посоха о камень.

- Приветствую тебя, Малкадор, - сказал он, не поворачиваясь. - Время пришло?

Малкадор безмолвно кивнул.

Вулкан еще раз провел кончиками пальцев по лицу отца.

- Он выглядит здесь почти безмятежным, принимая капитуляцию этого человека. Будущее ещё не было написано. В те времена безумие, с которым мы столкнулись, невозможно было даже представить.

- Это было целую жизнь назад, - ответил Малкадор. В его голосе звучала усталость, и кое-что похуже. Он звучал разбитым. - От Сангвиния нет никаких вестей. Как и от сил Хана у Львиных Врат.

Его тон заставил Вулкана обернуться. В хищно-красных глазах сверкнул вызов.

- Мы победим, Мал. Изгони пораженчество из своего голоса.

Малкадор, регент Терры, опёрся на свой посох и, взглянув из-под капюшона, встретился глазами с примархом. В зависимости от того, в какие истории вы верили, Малкадор был древним, извечным либо бессмертным. Однако он выглядел увядающим, охваченным слабостью, с каждым часом становившейся всё сильнее.

- Да, всё может закончиться победой. - Теперь, по крайней мере, в его голосе звучала задумчивость, а не поражение. - Но кто из нас выживет, чтобы насладиться ею?

Вулкан крайне осторожно, с малейшим усилием положил рукавицу на костлявое плечо старика.

- Есть новости от Рогала?

- Бастион Бхаб держится, но Дорн ещё не может покинуть его.

Вулкан покачал головой, уловив дипломатичность в словах Малкадора. Бастион Бхаб являлся вторым сердцем осады, ядром имперской логистики и центром координации обороны. Системы бастиона были одним из немногих коммуникационных узлов, способных прорваться сквозь атмосферные искажения. Дорн и его командный состав контролировали не только боевые действия во Внутреннем Дворце, но и оставались в курсе почти бесконечных сражений, бушевавших по всей Терре. Рогал Дорн покинет Бастион Бхаб только в тот момент, когда тот падёт, и ни секундой раньше. Только не сейчас, когда десятки миллионов солдат ещё нуждаются в его командовании.

- Сможет ли он покинуть его или нет, не имеет значения', - сказал Вулкан. - Он слишком самоотвержен и слишком связан долгом, чтобы оставить свой пост. Он доверяет нам, Мал. Верит, что мы справимся без него. Мы его не подведём".

Малкадор явно чувствовал себя неуютно.

- Он также прислал весть, что мертвецы оживают.

Вулкан на мгновение застыл.

- Что он имеет в виду?

Малкадор оперся на свой посох, медленно выдыхая.

- Он говорит, что мёртвые с обеих сторон поднимаются, что они идут на Санктум.

Вулкан бросил последний взгляд на барельеф, изображающий отца, затем отвернулся и двинулся обратно в Тронный Зал.

По бокам сновали жрецы и адепты Механикус, занимаясь своей работой, трудясь над секретными машинами Императора. Тронный зал менялся день ото дня, постоянно расширяясь, ремонтируясь, лязгая металлом; одни механизмы перегорали, другие появлялись. Постоянный гул мощи Темной Эры действовал многим смертным на нервы. Для Вулкана же он был песней, мелодией не до конца освоенного искусства из легенд. Грохот перегруженных работой машин был звуком утерянной эпохи. И он тоже было чудом.

Всю стену занимал портал в Паутину. Через огромный закруглённый проём больше нельзя было увидеть ни царство чужаков, лежащее за пределами этого мира, ни состоящую из песчаника украшенную стену Тронного Зала позади него. Они попытались уничтожить портал, спалив пробудившие его механизмы и отключив источники энергии, чтобы навсегда закрыть проём, но проход остался приоткрыт. Он не закрывался до конца. Твари по ту сторону не давали ране затянуться.

Теперь Император держал его запечатанным силой воли. С толикой своих возможностей портал представлял собой огромный серый глаз, непрерывно выдыхающий белый туман в Тронный Зал.

Даже смертные и слуги, работавшие в Тронном зале, чувствовали тяжесть психического давления. Носы кровоточили. Глаза покраснели от кровавых слёз. Бионика аугментированных отказывала, их имплантированные органы и конечности сами по себе выходили из строя. Те же, кто не был аугментирован, страдали от истощения мышц и медленно развивающейся эмболии. Иногда они заговаривали на неизвестных им языках. Им снились сны о жизни, которую они никогда не вели. Их память была переписана войнами Эры Раздора... Примитивным мальчишеским существованием на берегах Сакарьи... Осызанием пшеницы на кончиках пальцев, тяжестью первого болтера в руках...

Над всем этим, подвешенный в огромной паутине кабелей и опор, возвышался Золотой Трон - ядро всей симфонии. Некоторые в зале защищались от его света при помощи тёмных очков, другие прикрывали глаза руками, когда им приходилось поворачиваться в его сторону. Многие просто старались никогда не смотреть вверх. Вулкан не видел пылающей ауры, только слабый нимб света, бьющий по глазам не сильнее пламени свечи.

Его отец сидел на Троне, глаза были закрыты, черты лица напряжены от импульсов безмолвной боли. Император вцепился в подлокотники, пальцы в перчатках сжимались в такт со вздрагиваниями. Его загоревшая до бронзы кожа побледнела, а щёки впали, словно рак пожирал Его изнутри. Слуги стояли на платформах по бокам, вытирая кровь, вытекающую из Его закрытых глаз.

"Вулкан".

Сначала его имя было произнесено голосом отца. Горькая ирония.

Он повернулся к порталу, вглядываясь в серый туман несбывшихся амбиций.

"Вулкан", - повторил голос. - **"Брат. Иди ко мне"**.

Малкадор стоял рядом с Вулканом, внимательно наблюдая за выражением его лица.

- Это он?

- Это он. - Сердце Вулкана начало биться сильнее. - Давай посмотрим, что он скажет напоследок.

Вулкан закрыл глаза и погрузился в драгоценную ложь.

Во сне его брат всё ещё выглядел как его брат. Пейзаж вокруг них представлял собой вулканический кошмар - царство черного неба и кипящей земли, место под стать дракону. В психическом молчании братья сошлись, встав друг напротив друга на арене нереальности.

Каждый раз именно его брат приводил их обоих сюда. Если же это происходило не по его желанию, то, должно быть, это происходило по прихоти тех тварей, чьи когти обхватили его сердце. Вулкан больше не верил, что между этими вариантами осталась разница.

Когда он смотрел на свое отражение в пруду из вулканического стекла, то видел себя измождённым до предела, именно таким, каким себя чувствовал. Это можно было легко скрыть в Тронном зале, но не здесь. В этом месте Вулкан выглядел как дракон на грани истощения. Его чешуя больше не переливалась изумрудным блеском; вместо этого она потускнела, словно блеклый нефрит. Глаза, раньше огненно-красные, сузились и померкли от муки. Даже огонь внутри него был не больше чем тлеющими углями, слабым мерцанием тепла.

Его брат, Колдун, медленно опустился в дымке очищающего света. Этот свет согрел Дракона, разогнал его кровь и срастил внутренние раны в его теле. Свет обещал истинное исцеление, если только тот перестанет сопротивляться.

- Мне ненавистно видеть тебя таким, - сказал Колдун. В его единственном глазу светилось сострадание.

- Брат, так не должно быть.

- Ты мне не брат.

Дракон зарычал, переместив своё израненное тело. Болели даже его кости. Они посылали импульсы холода сквозь мясо мышц.

- Ты всё ещё отвергаешь меня, - сказал колдун, в его словах звучало сожаление. - Разве не я привёл тебя сюда, на Ноктюрн, чтобы облегчить твой дух?

Дракону рассмеялся, хотя на вкус это была пыль, а не огонь.

- Это не Ноктюрн, - сказал он. - Звёзды висят на небе там, где им положено, но их свет неверен. В скалах протекают ровно те же химические процессы, но камень на ощупь фальшив. Это воспоминания того, кто видел Ноктюрн, но так и не постиг его. Он никогда не любил мой родной мир.

Дракон, несмотря на пульсирующие болью суставы, обнажил свои хрупкие клыки в усталой улыбке.

- Он, - добавил он, - или оно.

Колдун опустился на одно колено, являя собой воплощение не способной навредить вежливости. Его голос, дрожащий от эмоций, едва ли поднимался выше шепота.

- Я - это всё еще я, брат. Я говорю правду.

Дракон вздохнул еще раз.

- Правда, если она вообще имеет значение во сне, заключается в том, что мой брат давно умер. Ты не Магнус. Ты - идея Магнуса, придуманная невозможным богом.

Смех эхом разнёсся вокруг. Смех тысячи насмешливых голосов, восхищённых шуткой, которую мог понять только один из братьев. Дракон пополз прочь от хора безумного смеха. Колдун стоял в тишине, излучая сострадание, терпение и понимание.

- Как ты можешь не слышать этот смех? - спросил Дракон. - Над тобой без конца насмехается бог, которому ты якобы не молишься.

- Здесь нет никакого смеха, - сказал Магнус Красный. - Я не слышу ничего, кроме твоей лжи, Вулкан.

Дракон слабо улыбнулся, оскалив клыки.

- Хватит. Хватит с меня тебя и сущности, что даёт тебе жизнь. Оставь меня в покое.

- Впусти меня, - возразил колдун. - Это только начало твоей боли, брат. Я предвижу в твоём будущем такие муки, что даже ты не сможешь их вынести. Но эта боль закончится с милосердием, которое я принесу. Вместо опустошения я предлагаю тебе просвещение.

Дракон не дерзнул повернуться спиной к одноглазому брату даже здесь, во сне. Ползя по камням, он медленно удалялся, но его взгляд не отрывался от Колдуна.

- Впусти меня, - повторил Магнус. - Сколько сил осталось у отца? Сколько времени ещё будет длиться Его драматичное неповиновение? Час? День? Небо над облаками из пепла кипит от явления богов. С Ханом покончено. Гиллиман всё ещё потерян в бесконечной черноте. Ангрон топит Палатинское кольцо в имперской крови, и скоро он сломит Сангвиния. Судьба поёт обо всем этом, Вулкан. Я *обязательно* доберусь до портала в Паутину. Я *обязательно* разрушу барьеры отца. В миллионе вариантов будущего я уже сделал это. Не заставляй меня сломать тебя.

Дракон зарычал.

- Я не уверен, что меня можно сломать.

- Ты всё же можешь умереть, Вулкан. Тебя можно рассоздать. Всё, у чего есть смертные истоки, может быть расплетено под звуки колыбельной забвения. Пожалуйста, не заставляй меня стать тем, кто покончит с тобой.

- Неужели твоя судьба поёт и об этом?

Магнус улыбнулся.

- Брат, мне горько говорить об этом, но да. Противостоять мне - значит подвергнуться уничтожению. Я бы хотел, чтобы это было не так. И этому не обязательно быть так.

Дракон сумел улыбнуться в ответ. Он был слишком утомлён, чтобы забавляться, но настойчивость Колдуна всё же зажгла в глубине души нечто похожее на веселье.

- Из всех неудачников в нашей семье, - сказал Дракон сквозь стиснутые зубы, - ты ставишь себя превыше остальных, с комфортом укутавшись в свои иллюзии. По крайней мере, у других хватает мужества признать, во что они превратились. Только ты, Магнус... Только ты всё ещё - *всё ещё* - не можешь увидеть, кто ты есть на самом деле.

Дракон продолжал ползти, медленно отступая. Небо расколол кинжальный смех. Иллюзия перед ним распалась на части.

Магнуса больше не было. Вернее, Магнус наконец-то явил себя. Колдун больше не был братом Вулкана; теперь он стал огромным чудовищем, зверем на раздвоенных копытах и в огненной короне, монстром с крыльями, с которых сыпались перламутровые перья. Дракон пристально смотрел на эту тварь из мутаций и увечий, от неё воняло ложью, которую ей незаметно скормили.

- Вот и ты.

Дракон выдохнул эти слова, чувствуя, как внутри пробуждается огонь, пробуя на вкус дым, проходящий между его больными зубами.

- Вот и ты, брат.

- Он должен умереть, Вулкан, - прорычало существо, бывшее Магнусом Красным. **- Из-за него наш вид исчезнет. Впусти меня. Позволь мне исцелить все раны, что он нанёс. Встань подле меня! Тебе не нужно умирать вместе с остальными.**

Дракон ничего не сказал пред лицом такого гнева. Он отполз подальше от неизбежности победы брата, от смеха бога брата и от самого сна. Ему нужно было беречь свои силы. Он не мог тратить их здесь. Его отец нуждался в нём.

Дракон открыл глаза.

В реальности не минуло ни мгновения. Малкадор стоял рядом, глядя вверх с ястребиным беспокойством, которое Вулкан слишком много видел за последнее время.

- Он явил себя, - сказал Сигиллит, его голос едва доносился сквозь нарастающий гул пробуждающихся машин Императора. - Так ведь?

- Он не собирался этого делать. Сомневаюсь, что он заметил, как сбросил маску. По правде говоря, я не уверен в том, что он вообще знает, как сейчас выглядит. Его праведность способна задушить всех нас. Он ослеплён светом собственного нимба.

Малкадор посмотрел на Золотой Трон.

- Кто-то может сказать, что в этом отношении Магнус является сыном своего отца.

Взгляд Вулкана сверкнул изнурённым весельем.

- Вы критикуете нашего Императора, о благородный регент?

- Это всего лишь наблюдение. Прозрение в восприятии других людей. - Малкадор не выказал ни веселья, ни стыда, оставаясь сверхъестественно нейтральным.

Вулкан уже отвернулся. Его взгляд неизбежно тянулся к полуживому порталу, огромной арке из терранской стали и инопланетного камня, ведущей в измерение между измерениями. Он чувствовал, как где-то в этом измерении приближается Магнус. Скоро Багровый Король постучится в дверь.

Его глаза сузились. Его костяшки пальцев сжались.

- Давай покончим с этим.

Малкадор кивнул в ответ на шёпот примарха.

- Тогда идём. Всё готово.

Долго ждать было нельзя. Малкадор внушал ему эту мысль, хотя он не нуждался в подобных напоминаниях. Вулкан никогда не видел в Малкадоре ничего более похожего на сдающие нервы, чем то, что он стремился сделать очевидное ещё более очевидным.

Людам, выстроившимся неплотными рядами позади него, тоже не нужны были напоминания, как не нужны были и предварительные воодушевляющие речи. Эти мужчины и женщины в доспехах из имперского золота были лучшими из тех, кто всё ещё мог сражаться, и у них было меньше всего ранений. Малкадор несколько дней трудился, не покладая рук, чтобы собрать их со всего осаждённого Палатинского кольца. Все они отступили, получив приказ, и смирились с тем, что их просят пожертвовать жизнью в Имперской Темнице ради безумной авантюры.

“Такова ли твоя воля, отец?”

Вулкан не ждал ответа, и, конечно, не получил его. Да будет так.

Он не стал оглядываться ни на Золотой Трон, ни на фалангу воинов позади него. Он смотрел вперед, держа в руках гигантский молот *Урдракул*, и сжал суровые губы, не давая вырваться последним вопросам. Он не хотел показывать сомнений окружающим – ни адептам, которые сейчас держали оборону, ни мужчинам и женщинам, готовым умереть, чтобы дать ему этот единственный шанс.

Возможно, не имело значения, была ли на то воля Императора или нет. Это была воля Малкадора, голос которого имел немалое значение, но ещё важнее было желание Вулкана, направившее их по этому пути. Примарха XVIII легиона было трудно заставить отступить. Дело должно быть сделано.

Он высоко воздел *Урдракул*. Узоры электрического света отразились от оружия, когда механизмы Тронного Зала достигли крещендо своей техномагической песни. Машины Императора выли, ревели, плевались предупреждающими сигналами. В ту же секунду, не показав несинхронности в своих действиях ни на один удар сердца, каждый кустодий и каждая сестра безмолвия за его спиной подняли оружие наизготовку.

Молот опустился.

Золотой Трон, державший дверь между измерениями запечатанным, завизжал в какофонии разрывающего железо открытия портала. Серый туман превратился в золотой свет, хлынувший в зал через громадный портал, и армия всевозможных адских ужасов с яростью ринулась в реальный мир.

Вулкан побежал к вратам Паутины.

1. *Прим. пер.* В английском тексте здесь употреблён термин “Empire” (с большой буквы). В первоисточнике на латыни (Тацит, “Агрикола”, часть 30) использовано слово “imperium” (с маленькой буквы) – власть, приказ, полномочия. Традиционно это слово в данной цитате переводится на русский как “управление”, а на английский как “empire” (с маленькой буквы).
2. Почему-то Лэнд называет Дорна четвёртым примархом, хотя тот седьмой. Рогал Дорн – четвёртый по счёту верный примарх (после Льва, Хана и Русса), но дальше Лэнд использует общую нумерацию, называя Сангвиния и Ангрона девятым и двенадцатым.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Отголоски_вечности_/_Echoes_of_Eternity_\(роман\)__\(перевод_Shaseer\)&oldid=22320](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Отголоски_вечности_/_Echoes_of_Eternity_(роман)__(перевод_Shaseer)&oldid=22320)

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 февраля 2023 в 15:01.